Владимирский

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ В МОСКВЕ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГИ200
В 62Г

ПП
ГИ200
В 62

М. ВЛАДИМИРСКИЙ

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ В МОСКВЕ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ В МОСКВЕ

Московская Губернская Комиссия по проведению празднования 10-летия Октябрьской Революции и Московский ИСТПАРТ

ГИ200р
В-621

М. ВЛАДИМИРСКИЙ

9 (47)
В 57

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ В МОСКВЕ

★

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

1 экз

К. П. 84

БИБЛИОТЕКА
Ин-та МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
при ЦК КПСС
829162

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГИ200 р
В 621

Типография и Словолитня
„КРАСНАЯ ПРЕСНЯ“
(Мосполиграф)
М. Грузинская,
Столярн. п.,
№ 5-7.

Мосгублит № 41558. Тираж 6000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
I. Накануне Октября	7
II. Перед боем	21
III. Начало военных действий	31
IV. Решающие дни	37
V. Победа	56
VI. На другой день после победы	65

I. НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ

Совет рабочих депутатов

„Первый период революции, когда даже цензовая буржуазия прикидывалась сторонницей революционного „ниспровержения“,—период сентиментальной фразы и радостного упоения свободой, наложил свою печать на рабочий класс. Бессознательное доверие к капиталу и его лидерам политически выражалось в крупной роли меньшевизма,—идеологии, которая подчиняет пролетариат буржуазии, суживает размах борьбы, укорачивает и обрезает самостоятельную классовую линию пролетариата“ [1]).

Такое состояние рабочих масс нашло себе яркое отражение на составе и деятельности Московского совета рабочих депутатов в первые дни и месяцы после Февральской революции.

Первые выборы в Московский совет проходили стихийно. „С разных концов города приходили колонны рабочих с фабрик и сейчас же здесь, по предложению товарищей, выбирали представителей и посылали в Московский совет“. Там, где были раньше партийные нелегальные организации, проходили в совет наиболее известные массам их члены. Там, где не было партийных организаций, в делегаты попадали интеллигенты—меньшевики и эсеры. До революции они работали во многих легальных организациях и были по этой работе известны рабочим массам. Большевистская же организация была тяжело разгромлена накануне 1917 г. полицейскими преследованиями. Подавляющее большинство старых подпольщиков было в тюрьме, на каторге, в ссылке, эмиграции. Поэтому в совете группа делегатов-большевиков была очень малочисленна в сравнении с группами эсеров и меньшевиков. Но и эти политически оформленные группы тонули в общей массе беспартийных депутатов.

---

[1]) Н. Бухарин.—На подступах к Октябрю, стр. 129.

Исполком совета составлен был из представителей указанных выше трех партий на паритетных началах: по 20 человек от каждой фракции, и таким образом блок эсеров и меньшевиков составлял большинство в исполкоме и вел за собой совет, состоявший в подавляющем большинстве из беспартийных, в значительной части даже мелкобуржуазных, элементов, и проводил в совете политику соглашательства с буржуазией.

Между тем, с первых же „дней свободы" классовая борьба рабочих с капиталом начала обнаруживаться в острых формах. Начались забастовки. Первые забастовки вызваны были отказом хозяев уплатить за прогульные дни во время Февральского переворота. Но на ряду с этим требованием в ряде фабрик выдвигаются уже требования восьмичасового рабочего дня и повышения заработной платы, которые потом в течение месяцев были центральным пунктом упорной борьбы рабочих. В этой борьбе рождались и крепли профессиональные организации рабочего класса, которые брали в свои руки руководство экономической борьбой с предпринимателями.

Фабриканты отвечали локаутом. Необходимость бороться с локаутом предпринимателей заставляет рабочих стремиться к овладению средствами производства. Все чаще начинает выставляться требование контроля над производством и участия фабрично-заводских комитетов в приеме и увольнении рабочих. Районными советами рабочих депутатов, районными совещаниями и отдельными заводскими собраниями выносится ряд резолюций с требованиями введения контроля советов над производством.

Но Московский совет с его соглашательской политикой оказывал слабую поддержку рабочим в их борьбе с предпринимателями и все больше терял свою популярность в рабочих массах. Особенно резко выразилось это во время Московского совещания (25 августа), когда собрание правлений 41 профсоюза Москвы, об'единявших 300.000 рабочих, постановило поддержать предложенную комитетом большевиков кампанию митингов протеста против Государственного совещания и организовать однодневную стачку в день его открытия. Об'единенное заседание исполкомов советов (совета рабочих депутатов и совета солдатских депутатов) высказалось за участие Московского совета в Государственном совещании и протестовало против забастовки.

Забастовка прошла блестяще, в ней участвовало до 400.000 человек, т.-е. четыре пятых всех рабочих Москвы и ее окрестностей. Она показала, что огромное большинство московских рабочих шло за большевиками и что политика большинства (эсеров и меньшевиков) совета не соответствует

интересам рабочего класса. Поэтому вслед за этой забастовкой начинается кампания за переизбрание советов (центрального и районных). Меньшевистские и эсеровские депутаты отзывались из совета, а на место их посылали большевиков или сочувствующих им. Состав Московского совета рабочих депутатов резко изменился. 5 сентября на об'единенном пленуме обоих советов (т.-е. совета рабочих депутатов и совета солдатских депутатов) по докладу о текущем моменте была принята большинством 355 голосов против 254 большевистская резолюция. Большинство в совете теперь принадлежало большевикам, руководство советом от меньшевистско-эсеровского блока перешло к ним. Произведены были перевыборы исполкома совета рабочих депутатов, в результате которых большевики получили большинство: 32 места из 60, меньшевики—16, эсеры—9, об'единенцы—3. Председателем совета был избран тов. Ногин. Совет рабочих депутатов стал во главе московского пролетариата [1]).

Между тем, борьба рабочего класса против фабрикантов и заводчиков обострялась все больше и больше. Капиталисты готовили локаут металлообрабатывающих и текстильных предприятий. Для рабочих становилось ясно, что спасти промышленность и улучшить положение рабочего класса может только советская власть. Рабочая Москва требовала от совета, чтобы он взял власть в свои руки. Ежедневно перед зданием совета появлялись делегации как от отдельных фабрик и заводов, так и от целых организаций с требованием: „Вся власть советам!"

Рабочие массы требуют от совета „немедленно стать на путь революционной организации всей промышленной жизни, революционной властью немедленно прекратить все забастовки, заставив удовлетворить все экономические требования рабочих, и, в частности, издать декрет о контроле заводских комитетов над наймом и увольнением" [1]).

Выставляя подобные же требования, Московская общегородская конференция фабрично-заводских комитетов (с 12 по 17 октября) заявляет, что „мероприятия советов в данном направлении будут поддержаны всей силой представленного на конференции организованного пролетариата" („Социал-демократ" № 191).

---

[1]) В сентябре—октябре соотношение политических партий в совете было следующее: в совете рабочих депутатов и его исполкоме большинство имели большевики, в совете солдатских депутатов и его исполкоме большинство принадлежало меньшевистско-эсеровскому блоку. На об'единенном заседании исполкомов большинство имели меньшевики и эсеры, но на об'единенном заседании обоих советов наша партия 5 сентября получила большинство по докладу о текущем моменте.

[2]) Из отчета об общегородском делегатском собрании металлистов 28 октября. „Социал-демократ" № 185 от 30 октября.

Эти требования рабочих масс встречают живой отклик в совете нового состава. 18 октября на об'единенном заседании обоих исполкомов был поставлен вопрос об экономической борьбе рабочих. Представители различных профессиональных союзов, присутствовавшие на этом заседании, заявили, что мирный период забастовки кончился, что единственный выход из положения—переход власти в руки советов. Однако, об'единенное заседание обоих исполкомов, большинство в котором принадлежало меньшевистско-эсеровскому блоку, отвергло большевистскую резолюцию о решительной борьбе за взятие власти советом и приняло соглашательскую резолюцию меньшевиков: „обратиться к Временному правительству с предложением урегулировать взаимоотношения между рабочими и промышленниками". Вопрос был перенесен на об'единенное заседание пленумов обоих советов (19 октября).

Резолюция исполкомов была отвергнута, и принята была большевистская резолюция:

„ ...Исполнительные комитеты советов рабочих и солдатских депутатов: 1) декретируют по соглашению с центральным бюро профсоюзов удовлетворение рабочих в тех отраслях, где назревает или идет стачка, 2) приглашают под руководством профессиональных союзов явочным порядком осуществлять постановления декретов на заводах и фабриках, 3) ставят капиталистов, саботирующих производство и вызывающих стачки рабочих, под угрозу немедленного ареста их советами, 4) одновременно выпускают декрет о мораториуме на квартирную плату, 5) принимают самое активное участие в деле мобилизации масс, в создании органов борьбы за переход власти к революционной демократии, 6) поручается исполнительному комитету в кратчайший срок разработать и издать вышеозначенные декреты и соответствующие воззвания".

Московский совет перешел в наступление против буржуазии. 24 октября соединенное заседание московских советов рабочих и солдатских депутатов громадным большинством принимает декрет (так называемый „декрет № 1"), который устанавливает право фабрично-заводских комитетов на контроль над приемом и увольнением служащих и рабочих и угрожает за нарушение этого права „самыми решительными мерами воздействия, вплоть до ареста"; принятое на том же заседании обращение „Ко всем трудящимся" призывает их сплотиться вокруг совета для борьбы против капиталистов.

На другой день совет избирает Военно-революционный комитет и переходит к вооруженной борьбе за власть советов.

Совет солдатских депутатов

Расхождение между солдатами и их советом было еще более велико. Совет солдатских депутатов совершенно не выражал волю избравших его. В большинстве своем он состоял из нестроевого элемента: в него вошли фельдшера, писаря, мелкобуржуазно настроенные военные чиновники. Президиум совета состоял в своем большинстве из эсеров и меньшевиков и всячески старался оградить солдатские массы от влияния рабочих и большевиков. Так, после июльских дней он запретил устройство солдатских митингов и собраний, не допускал в казармы ораторов-большевиков (пропуск в казармы выдавался президиумом совета солдатских депутатов).

В дни корниловского мятежа (12—16 августа) большевики „оказались желанными и нужными, и их просили устраивать митинги среди солдат", но через три дня (17 августа) в пропусках им уже было отказано („Социал-демократ", № 138).

Свое отношение к Временному правительству и к соглашательским партиям—меньшевикам и эсерам—солдаты ясно выразили во время выборов в районные думы, когда громадное большинство солдат голосовало за большевистские списки. Меньшевики и эсеры употребляли все усилия, чтобы удержаться в совете солдатских депутатов. Зная настроение солдатских масс, они всячески старались оттянуть перевыборы солдатского совета, которых настойчиво требовал совет рабочих депутатов. Перевыборы удалось произвести только после Октябрьской победы. Во время вооруженной борьбы солдатские массы стояли целиком по одну сторону баррикад: на стороне большевиков и Военно-революционного комитета, а совет солдатских депутатов находился в самой тесной связи со штабом Московского военного округа; члены его президиума входили в Комитет общественной безопасности и руководили вместе со штабом отрядами юнкеров и белогвардейцев.

Городская дума и районные думы

Центральная городская дума, избранная в конце июня, состояла в своем большинстве из эсеров, которые работали в городской управе в тесном блоке и под руководством кадетов. Городской голова, эсер Руднев, следовал во всем традициям старых купеческих голов: молебном открыл занятия думы, на заседания думы всегда являлся с золотой цепью на шее, как требовал того старый обычай, присутствовал на открытии церковного собора, явился с визитом к генералу Корнилову и т. д.

В своей практической работе дума также ничем не отличалась от старых дум. Для городской бедноты не было сделано ничего, а с рабочими городских предприятий она вступила в резкий конфликт, который не кончился забастовкой только потому, что Октябрьская революция смела самую думу. Чем дальше шел процесс революционизирования широких масс населения, тем больше городская дума и эсеровская городская управа теряли доверие среди городского населения, и выборы в районные думы, происходившие 24 сентября, ясно показали это. Из 387.262 всех поданных голосов—199.337 было подано за большевиков. В районные думы вошло 350 большевиков, 184 кадета, 104 эсера, 31 меньшевик. Большевики имели абсолютное большинство в 11 районных думах, в 5 районах большинство принадлежало социалистическим фракциям, среди которых фракции большевиков были самые многочисленные, и только в одном (Тверском) районе большинство принадлежало кадетам.

Вполне понятно поэтому, что между Центральной городской думой и вновь избранными районными думами тотчас же после их избрания началась открытая борьба. Городская дума, как только выяснились результаты выборов, урезала права районных дум и управ, изменив „Положение о районных думах". Городская управа всячески тормозила образование совета районных дум—органа, который должен был об'единить работу всех районных дум, мешала работе большевистских районных управ: не давала помещения для управ, задерживала даже те небольшие денежные ассигновки, которые полагались районным думам, причем члены Центральной управы вполне откровенно и не стесняясь заявляли представителям районных дум: „Дадим вам денег, если не будете устраивать восстание".

Таким образом, в городском хозяйстве создалось два центра: городская дума, образовавшая Комитет общественной безопасности, орган руководства всеми контр-революционными силами в их борьбе против советов, и районные думы—опорные пункты пролетарской революции.

Партия большевиков

По мере нарастания революционного настроения в массах росло влияние московских большевистских организаций, и руководство революционным движением все больше переходило в руки Московского комитета партии большевиков. Уже во время Государственного совещания московские рабочие пошли не за Московским советом, остававшимся еще в руках эсеров и меньшевиков и призывавшим массы

к спокойствию, а за Московским комитетом партии большевиков и большевистским Бюро профессиональных союзов, призывавшими их к демонстративной забастовке. В дни корниловщины „фактически пролетариатом управлял не совет, а Московский комитет российской партии большевиков. Та тактика, которую выберут рабочие, зависела всецело от комитета и его руководящих работников“ [1]).

Упорная и настойчивая работа большевистской организации в рабочих и солдатских массах Москвы с февраля по октябрь сделала эту партию фактическим руководителем рабочих и солдатских масс и организатором передовых слоев рабочего класса в области политической и профессиональной борьбы пролетариата. Рабочие и солдатские массы шли за нашей партией, и наша партия вела эти массы к вооруженной борьбе за власть советов.

Подготовка к вооруженному восстанию началась с первых же дней Февральской революции. Захваченное в февральские дни оружие Московский комитет дал предписание не сдавать, и районы скрывали это оружие на фабриках и заводах. Всеми средствами доставали оружие от солдат; организовывали из более сознательных рабочих первые ячейки Красной гвардии и поручали руководство ими старым опытным подпольщикам. В первые же дни своего открытого существования Московский комитет создал Военное бюро для работы среди солдат, которое организовало партийные ячейки в воинских частях и вело агитационную работу в солдатских массах. Среди солдат московского гарнизона нашлись бывшие рабочие-большевики, которые служили связью между воинскими частями и Московским комитетом. Таким путем Военному бюро удалось создать военную организацию и развернуть в казармах широкую агитацию.

Уже в июне во всех почти воинских частях существовали партийные ячейки. Большевистские лозунги находили сочувствие в солдатских массах. На солдатских митингах принимались большевистские резолюции (так например, на митингах на Ходынке 18 и 22 июня).

Однако, выборы в городскую думу в том же июне, когда солдатские массы отдали свои голоса эсерам и меньшевикам, показали, что московский гарнизон далеко еще не освободился от надежды разрешить все вопросы путем мирного соглашения с буржуазией. Этим и об'ясняется, почему назначенная на 4 июля Московским комитетом вооруженная демонстрация оказалась менее внушительной, чем ожидал Московский комитет. Правда, некоторые товарищи „предлагали занять почту, телеграф, телефонную станцию, редакцию

---

[1]) Н о р о в.—Накануне. Сборник „Москва в Октябре“. 1919 г., стр. 11.

„Русского Слова“ и т. п., но Московский комитет, состоявший из представителей районов, которые были связаны с рабочей и солдатской массой, отклонил все вышеназванные предложения, ибо боевого настроения в массах в Москве еще не было“[1]). И размер вооруженной демонстрации 4 июля подтвердил правильность решения Московского комитета—ограничиться лишь устройством вооруженной демонстрации.

После июльских дней революционный под'ем резко усиливается, и сентябрьские выборы в районные думы показали, что рабочие и солдатские массы были на стороне большевиков. В начале октября фактически власть в районах находилась в руках большевиков. „Политически дело совершенно созрело для перехода власти“. Вопрос о захвате власти обсуждается московской организацией большевиков. Так например, в конце сентября военная организация Московского комитета устроила совещание по этому вопросу. „На совещании присутствовали и некоторые члены солдатской секции Московского совета. Заседание конспиративное. Заседали в Белом зале Московского совета. Председательствовал П. Н. Мостовенко, докладчиком выступил Аросев. После дебатов и прений никакой резолюции не приняли. Но общее мнение о необходимости захвата власти было единодушное. Попытка решить вопрос конкретно, как этот захват провести, осталась нерешенной“ [2]).

Письмо Ленина поставило в Московском комитете вопрос о захвате власти как практическую задачу дня.

В начале октября Московским комитетом было получено от тов. Ленина письмо, адресованное Петербургскому и Московскому комитетам, в котором он настаивал, чтобы большевики брали власть немедленно. Указывая на рост аграрного движения, на рост симпатии к нам в войсках, на результаты выборов в районные думы в Москве, на рост конфликтов рабочих и служащих с правительством, на нарастание революции в Германии и т. д., В. И. Ленин писал, что „при таких условиях ждать—преступление“.

„Большевики не в праве ждать с'езда советов, они должны взять власть тотчас. Этим они спасают и всемирную революцию (ибо иначе грозит сделка империалистов всех стран, кои после расстрелов в Германии будут покладисты друг к другу и против нас об'единятся), и русскую революцию (иначе волна настоящей анархии может стать сильнее, чем мы), и жизнь сотни тысяч людей на войне.

---

[1]) Пятницкий.—Из моей работы в Московском комитете. Сборник „От Февраля к Октябрю“, изд. „Новая Москва“, 1923 г., стр. 50—51.

[2]) Муралов.—Из впечатлений боевых дней в Москве. „Пролетарская революция“, 1922 г., № 10, стр. 307.

„Медлить—преступление. Ждать с'езда советов—ребяческая игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции.

„Если нельзя взять власть без восстания, надо итти на восстание тотчас. Очень может быть, что именно теперь можно взять власть без восстания: например если бы Московский совет сразу тотчас взял власть и об'явил себя (вместе с Питерским советом) правительством, в Москве победа обеспечена и воевать некому. В Питере можно выждать. Правительству нечего делать, и нет спасения, оно сдастся.

„Ибо Московский совет, взяв власть, банки, фабрики, „Русское слово", получает гигантскую базу и силу, агитируя перед всей Россией, ставя вопрос так: мир мы предложим завтра, если бонапартист Керенский сдастся (а если не сдастся, то мы его свергнем). Землю крестьянам—тотчас, уступки железнодорожникам и почтовым служащим—тотчас, и т. д.

„Не обязательно „начать" с Питера. Если Москва „начнет" бескровно, ее поддержат наверняка: 1) армия на фронте сочувствием, 2) крестьяне везде, 3) флот и финские войска идут на Питер.

„Если даже у Керенского есть под Питером 1-2 корпуса конных войск, он вынужден сдаться. Питерский совет может выжидать, агитируя за московское советское правительство. Лозунг: власть советам, земля крестьянам, мир народам, хлеб голодным.

„Победа обеспечена, и на девять десятых шансы, что бескровно.

Ждать—преступление перед революцией" [1]).

Письмо это обсуждалось на ряде собраний московской организации.

Около 10 октября (в квартире тов. В. А. Обуха) состоялось совещание руководящих партийных товарищей для обсуждения этого письма и тех практических мероприятий, которые из него вытекают. Для всех участников собрания вопрос о необходимости вооруженной борьбы за власть советов был вне сомнения. Произошел оживленный обмен мнений о сроке вооруженного выступления и о средствах, при помощи которых следовало привести в движение массы.

„Одни участники совещания думали, что хотя рабочее население Москвы поддерживает нашу партию, ибо на выборах в районные думы большевики получили 51—52% всех поданных голосов, однако, гарнизон Москвы не был боевым и плохо вооружен, и МК имел тогда с ним не много связей, а исполком солдатской секции совета почти сплошь, за малым

[1]) Ленин, т. XIV, ч. II, стр. 266, 267.

исключением, состоял из меньшевиков и эсеров. Рабочие же были слабо вооружены, а потому взять на себя почин выступлений нельзя, Москва может лишь поддержать выступление, когда оно где-либо начнется. Другие думали, что если сорганизовать маленький боевой кулак, то при расхлябанности военных органов Москвы может что-нибудь выйти" [1]).

В начале октября революционное настроение московских рабочих и солдат уже достаточно ясно оформилось и это обеспечило, при призыве нашей партии к захвату рабочим классом власти, активную поддержку одной части этой массы в самый первый момент восстания и присоединение к ней тех еще колеблющихся элементов, которые при первом успешном движении восставших всегда встают на сторону более сильного. Эта поддержка масс обеспечивала и возможность устранения того обстоятельства, что рабочие массы были слабо вооружены, а московский гарнизон был московскими военными властями разоружен. Перед партийной организацией стояла задача, с одной стороны, усилить работу военной организации, чтобы вырвать целиком из-под влияния эсеровского совета солдатских депутатов московский гарнизон и обеспечить себе его полную поддержку, с другой,— на опыте борьбы убедить рабочие массы, что удовлетворить наиболее вопиющие нужды рабочих и городской бедноты (продовольственные, жилищные и т. д.) и обеспечить успех в борьбе труда с капиталом рабочие могут только путем революционного захвата власти рабочим классом.

Совещание признало необходимым провести так называемую „декретную кампанию". Московский совет должен был в ряде декретов дать разрешение вопросов о захвате фабрик, об устранении фабрикантов от управления фабриками, жилищного и продовольственного вопросов и т. д. Намечен был ряд практических мероприятий, которые должны быть проведены в ближайшие дни.

Московский комитет целиком принял эти предложения и созвал собрание московского актива, междурайонное совещание представителей от районов, на котором присутствовали, сколько это можно теперь установить, все районные комитеты. Собрание это происходило 19 или 20 октября в помещении на Брестской улице. В начале собрания были заслушаны сообщения тов. Пятницкого (секретаря Московского комитета) и Яковлевой (секретаря областного комитета), только что вернувшихся из Ленинграда, из ЦК партии, куда они были посланы для доклада о решении московской органи-

---

[1]) Пятницкий.—Из моей работы в Московском комитете. Сборник „От Февраля к Октябрю", изд. „Новая Москва", 1923 г., стр. 58.

зации. Вопрос о взятии власти был уже решен Центральным комитетом.

Собрание определенно и решительно признало неизбежной открытую вооруженную борьбу. Правда, слышались отдельные голоса о недостаточности оружия, вооруженных сил и т. д., но московский актив почти единогласно поддержал решение Московского комитета партии о переходе к вооруженной борьбе за власть советов. По воспоминаниям одной из участниц этого собрания, здесь „определенно и решительно принят был вопрос о том, что открытая вооруженная борьба должна быть, ее не миновать. Представители районов говорили, что настроение обостренное, напряженное и ждать нельзя. Большинством голосов решен был вопрос о том, что вооруженная борьба должна быть начата“ [1]).

По воспоминаниям тов. Ангарского, „собрание высказалось за необходимость начать такую тактику борьбы, которая в процессе все большего и большего нарастания столкновений и конфликтов на почве борьбы труда с капиталом вплотную привела бы нас к восстанию, втянув в водоворот событий массы“.

„Предложение организовать вооруженную демонстрацию было отвергнуто и принята так называемая декретная кампания, которая по существу дела отменяла всякое писаное право“.

После этого вопрос о выступлении обсуждался во всех районах. „Общее собрание городского района в б. трактире Романова, на Сухаревской площади; дебатируется вопрос: выступать немедленно или занять выжидательную позицию. Споры разгорелись жаркие. Единицы были против выступления. Резолюция за немедленное выступление была принята с огромным под'емом; со сверкающими лицами, полные боевой готовности расходились по домам“ [2]). В Сокольническом районе устраивался „целый ряд совещаний активных работников, где очень внимательно подходили к вопросу о том, можно ли нам выступать, готовы ли мы, готовы ли массы рабочих к выступлению, не окажется ли, что те, которые сзади нас, не пойдут за нами. Такие собрания были в театре „Наполеон“ и в других местах и на всех таких собраниях требовали выступления и говорили, что ждать больше нечего“ [3]). В Рогожском районе, по воспоминаниям участников, 15 октября письмо тов. Ленина

---

[1]) Попова.—В Хамовниках. Сборник „Октябрьские дни в Москве и районах“, изд. „Московский рабочий“, 1922 г., стр. 111.

[2]) Ася.—Октябрь в 1917 г. в Городском районе. Сборник „Октябрьские дни в Москве и районах“, изд. „Московский рабочий“, 1922 г., стр. 59.

[3]) Горютин.—В Сокольниках. Сборник „Октябрьские дни в Москве и районах“, изд. „Московский рабочий“, 1922 г., стр. 133.

Библиотека ... при ЦК КПСС

обсуждалось в районном комитете и на собрании членов партии [1]).

Та же мысль о предстоящем в ближайшие дни переходе власти и управления московским хозяйством в руки большевиков руководила Московским комитетом при формировании большевистских районных управ. Стремились создать такие управы, которые в состоянии были бы с успехом выполнить предстоящую им работу и восстановить развалившееся под руководством эсеров и меньшевиков городское хозяйство.

Шла подготовка к захвату власти и в военных организациях. „На 22 октября Военное бюро созвало областную конференцию военных организаций. Из докладов с мест выяснилось, что гарнизон области крайне враждебно относится к Керенскому, к Временному правительству, что настроение среди солдат приподнятое, боевое. Конференцию на другой день (23 октября) пришлось закрыть, не исчерпав порядка дня. События быстро развивались. Из Петрограда получались тревожные вести. Делегатам необходимо было спешить на места".

„Вечером 23 октября состоялось совещание с представителями из районов и воинских частей. Обсуждался вопрос о предстоящем вооруженном выступлении. Представители воинских частей без колебаний и сомнений утверждали, что время настало, медлить нельзя, момент благоприятен, чтобы поднять солдат на борьбу с оружием в руках" [2]).

Московский комитет приступает уже к организации руководящих органов восстания и на своем заседании от 22 октября постановляет организовать „боевой орган из 5, в который входит секретариат, член бюро и член комиссии Красной гвардии" [3]).

Постановление Московского комитета об образовании боевого органа исключительно из представителей Московского комитета вызвало вмешательство со стороны бюро областного комитета, которое еще 10 октября решило создать единый областной боевой центр для об'единения работы как Московского совета, так и всей области в момент вооруженного выступления. Исполнительная комиссия Московского комитета перенесла этот вопрос на обсуждение об'единенного заседания Московского комитета, областного

---

[1]) Указания тов. Норова на созыв для окончательного решения вопроса общегородской конференции надо поставить под сомнение. Собрание в Политехническом музее с докладом о Циммервальдской конференции и другими не было общегородской конференцией, созванной для окончательного решения о восстании, а подготовительным агитационным собранием.

[2]) О. Варенцова.—Военное бюро при Московском комитете РСДРП(б). Сборник „От Февраля к Октябрю", „Новая Москва", 1923 г., стр. 78, 79.

[3]) Протокол заседания Московского комитета от 22 октября 1917 г.

комитета и окружного комитета, которое было созвано 25 октября. На заседании 25 октября было принято постановление: „Боевой центр партии составляется: 2 из МК, 2 из областного бюро, 1 из окружного комитета, 1 из профессиональных союзов, 1 из Военного бюро. От МК—тт. Пятницкий и Владимирский, от профсоюзов — тов. Козелев Борис [1]), от Военного бюро—тов. Ярославский.

Областное бюро того же 25 октября в партийный центр избирает Стукова и Яковлеву, а кандидатом к ним—Кизельштейна [2]).

Таким образом, партийный боевой центр, созданный для руководства и об'единения работы всех партийных организаций, в том числе и партийной части боевого центра совета, составился из следующих 7 лиц: Пятницкий и Владимирский—от Московского комитета, Козелев Борис—от профсоюзов, Ярославский—от Военного бюро Московского комитета, Яковлева В. Н. и Стуков—от областного бюро, Соловьев В. И.—от Московского окружного комитета. Кроме того, были избраны заместителями от областного бюро—Кизельштейн и от окружного комитета—Сапронов.

На том же заседании (25 октября) Московский комитет решает вопрос об организации боевого центра совета (Военно-революционного комитета). Было принято: „поручить сейчас же советской фракции создать немедленно боевой центр на пропорциональных основах из 3 большевиков, 1 меньшевика, 1 эсера, 1 от Красной гвардии, 1 от штаба. Соотношение сил—4 и 3. Работа военной организации продолжается. Поручается Военному бюро поднять во всех частях политическую кампанию, чтобы части заявили, что они никаким решениям без совета не подчиняются.

Намечены тт.: 1. Смирнов 4. Рыков
2. Ломов 5. Будзинский
3. Муралов 6. Усиевич (в качестве кандидата)“ [3]).

Вопрос осложнялся тем, что совет солдатских депутатов с его исполкомом и президиумом был в руках эсеров и меньшевиков. Некоторые товарищи, боясь, что солдатские массы пойдут за президиумом солдатского совета, а не за вновь избранным органом—Военно-революционным комитетом, предлагали немедленно, в первую очередь, произвести перевыборы совета солдатских депутатов. Другие же, учитывая

---

[1]) В протоколе заседания Московского комитета от 25 октября 1917 г. ошибочно было записано „Козловский“.

[2]) Московское областное бюро перед октябрьскими днями. „Пролетарская революция“, 1922 г., № 10, стр. 475.

[3]) Протокол заседания МК от 25 октября 1917 г.

боевое настроение масс и всю сложившуюся обстановку, считали неотложным организацию военно-революционного центра. Было принято последнее, и боевой центр был создан из представителей фракций совета с преобладанием большевиков, причем большевистские военные организации должны были продолжать работу в воинских частях с тем, чтобы обеспечить за партией и за советом рабочих депутатов руководство солдатскими массами. Вопрос о вхождении представителей от гарнизона и от профессиональных организаций был разрешен позднее в ходе событий.

II. ПЕРЕД БОЕМ

Организация боевых центров

„Социал-демократ“, орган Московского комитета, пишет в своей передовой статье от 24 октября по поводу разгона Калужского совета: „Война об'явлена, и военные действия начались. Мы должны твердо сказать себе это. Керенский и его агенты—наши открытые враги: никаких переговоров с ними. С врагами не разговаривают—их бьют... Война об'явлена, правительство, капиталисты, помещики сомкнутым строем идут против крестьян и рабочих. Необходим немедленный отпор. Время разговоров прошло, пора начинать действовать“.

25 октября „Социал-демократ“ говорит уже о начавшейся революции: „В Петербурге назревают крупные события. Конфликт между Военно-революционным комитетом при Петербургском совете и штабом привел к тому, что петербургский гарнизон подчинился совету. Петербург не должен остаться одиноким. Революционные действия Петербургского совета должны быть поддержаны по всей России и прежде всего в главных центрах. Дело идет к открытому, а может быть, вооруженному восстанию. Военно-революционные центры по образцу Военно-революционного комитета в Петербурге должны быть образованы повсюду. Организация Красной гвардии должна быть ускорена. Все должны быть в боевой готовности. Мы можем быть в любой момент поставлены перед необходимостью решительных действий и должны приложить все усилия, чтобы не быть захваченными ими врасплох“.

В 10 часов утра тов. Ногин, бывший в то время в Петрограде, сообщил о происшедших там событиях по телефону, а вечером в тот же день редакция „Социал-демократа“ получила следующую телефонограмму: „Временное правительство низложено. Мариинский, Мраморный и другие дворцы окружены войсками Центрального исполнительного комитета. С'езд заседает, ждем его решений“.

25 октября проходит в Москве в лихорадочных приготовлениях, обе стороны напряженно готовятся к бою, концентрируют свои силы и создают свои боевые центры.

Утром созывается собрание „бюро фракций совета“ [1]). В собрании принимают участие городской голова Руднев и командующий войсками Рябцев. Собрание принимает следующую резолюцию: „Для охраны революционного порядка и защиты завоеваний революции от натиска контр-революционных сил в Москве образуется временный демократический орган, составленный из представителей советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, городского и земского самоуправления, всероссийского железнодорожного и почтово-телеграфного союзов и штаба Московского военного округа“ [2]).

В 6 часов вечера в Большой аудитории Политехнического музея открылось об'единенное заседание пленумов обоих советов. Заседание было закрытое, но большой зал еле вмещал всех присутствующих. Председатель собрания тов. Смидович, открывая собрание, указывает, что и в ходе великих революционных событий, которые мы переживали за эти 8 месяцев, мы подошли к наиболее революционному и, может быть, трагическому моменту. „Сегодня мы будем говорить об образовании нового центра в Москве—революционного центра власти. Как он будет организован, именно об этом сегодня мы будем говорить. Для того, чтобы вы лучше ориентировались относительно момента, вы получите сейчас ту информацию, которую мы имеем, те телефонограммы, которыми мы располагаем. Затем фракции сделают заявления о принципе организации власти здесь в Москве, а затем мы разойдемся по фракциям, чтобы выработать план этой организации. В конце заседания мы должны будем притти к тому, чтобы принять единогласно план организации этой власти. Мы должны все силы направить на то, чтобы всем вместе участвовать в строительстве того органа, который будет гарантировать порядок и спокойствие в Москве... Мы должны все сделать, чтобы притти к единому плану этого строительства. И мы сегодня должны это сделать, сколько бы времени для этого от нас ни потребовалось“.

По заслушании информации представителей партий о петроградских событиях и доклада о решении, принятом в тот же день на собрании „бюро фракций“, по предложению большевиков устраивается перерыв заседания пленума.

---

[1]) Так называлось совещание представителей политических партий, входивших в состав совета. Совещание созывалось нерегулярно.

[2]) Игнатов.—Московский совет рабочих депутатов в 1917 г.

На заседании большевистской фракции оглашается постановление Московского комитета, принятое в тот же день утром, об образовании Военно-революционного комитета, и принимается следующая резолюция:

„Московский совет рабочих и солдатских депутатов выбирает на сегодняшнем пленарном заседании Революционный комитет из семи лиц. Этому революционному комитету предоставляется право кооптации представителей от других революционных демократических организаций и групп с утверждением пленума совета рабочих и солдатских депутатов. Избранный Революционный комитет начинает действовать немедленно, ставя себе задачей оказывать всевозможную поддержку Революционному комитету Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов".

Возобновляется заседание пленума, на котором представитель большевиков сообщает, что большевики будут голосовать против резолюции, принятой утром на „бюро фракций" (большевики на этом собрании заявили, что они на себя решение не берут, а перенесут вопрос на решение общего собрания большевиков—членов совета), и оглашает приведенную выше резолюцию. Резолюция вызывает протесты со стороны меньшевиков и эсеров.

Выступают представители других партий с предложениями, принятыми на их заседаниях. Представитель эсеров выступает с призывом „стать на защиту Учредительного собрания, против захвата, против диктатуры" и предлагает „создать единый общедемократический орган", в который должны войти представители советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и, „кроме того, представители городского самоуправления (ибо, кроме солдат, рабочих и крестьян, есть еще демократия),—в него войдут представители демократического штаба... Дальше, в него войдут представители других демократических сил, железнодорожных и почтовых организаций". Об'единенец высказывается за образование революционного органа, „в создании которого должна принять участие вся революционная демократия", т.-е. представители земства и города. Представитель меньшевистской фракции называет предложение большевиков „формулой безумия, сугубого безумия" и предлагает голосовать за резолюцию, которая была принята на собрании „бюро фракций".

Собрание приступает к голосованию резолюций. Первым голосуется предложение большевиков. Эсеры заявляют, что они в этом голосовании участия принимать не будут. Меньшевики и беспартийные заявляют, что будут голосовать против. Об'единенцы воздерживаются. Результаты голосования: за—394, против—106 и воздержалось—103. Эсеры

участия в голосовании не принимали. Воздержалась от голосования, кроме об'единенцев, часть беспартийных.

Голосуется резолюция меньшевиков: за—113, против—376, не принимают участия в голосовании эсеры.

Таким образом, проходит резолюция, предложенная большевиками. Пленум советов приступает затем к выборам Военно-революционного комитета. Эсеры от вхождения в Военно-революционный комитет отказались. Меньшевики заявили, что в этот орган войдут, „но не для тех целей, для которых вы (большевики) идете, а для того, чтобы продолжать там ту же разоблачительную работу, которую мы делали в совете, для того, чтобы смягчить все те губительные последствия, которые падут на голову пролетариата и солдат Москвы". Они входят в Военно-революционный комитет как лазутчики из лагеря белых; под флагом примирения обеих сторон они будут мешать работе боевого центра революции, пока он не закроет перед ними двери совета.

В состав Военно-революционного комитета вошли: от большевиков—тт. Смирнов (В. М.), Муралов, Усиевич и Ломов; кандидаты—Аросев, Москалев, Рыков и Будзинский (т.-е. товарищи, намеченные Московским комитетом, в дополнение к ним фракцией были прибавлены Аросев и Москалев); от меньшевиков—Тейтельбаум и Николаев и от об'единенцев—Константинов и кандидатами—Гальперин и Ясенев.

Военно-революционный комитет тотчас же после своего избрания, в ночь на 26-е, приступил к работе.

Утром 26 октября были выпущены воззвания к солдатам, крестьянам и рабочим, железнодорожникам и почтово-телеграфным служащим. Московскому гарнизону был опубликован следующий приказ от Военно-революционного комитета.

„Революционные рабочие и солдаты города Петербурга во главе с Петербургским советом рабочих и солдатских депутатов начали решительную борьбу с изменившим революции Временным правительством. Долг московских солдат и рабочих—поддержать петербургских товарищей в этой борьбе. Для руководства ею Московский совет рабочих и солдатских депутатов избрал Военно-революционный комитет, который и вступил в исполнение своих обязанностей. Военно-революционный комитет об'являет: 1) весь московский гарнизон немедленно должен быть приведен в боевую готовность. Каждая воинская часть должна быть готова выступить по первому приказанию Военно-революционного комитета. 2) Никакие приказы и распоряжения, не исходящие от Военно-революционного комитета или не скрепленные его подписью, исполнению не подлежат".

Заводским комитетам, районным советам рабочих депутатов, районным думам был отдан приказ: „Собраться и из-

брать революционный центр в районе, определить, что занимать в районе (здания, помещения и т. д.), немедленно вооружаться (занимать склады оружия), связаться с революционным центром в совете и партии".

В это же время ряд товарищей был послан в районы для установления связи с центром, другие товарищи разъехались по казармам, чтобы поднять солдат.

В районных советах весь день 26-го кипела работа: устанавливалась связь с Военно-революционным комитетом, выбирались районные военно-революционные комитеты, назначались районные комиссары, разыскивалось оружие и, по мере возможности, вооружались воинские части и отряды Красной гвардии. Днем происходило гарнизонное собрание. Вечером состоялось совещание районных комиссаров. В „Дрездене" было собрание представителей партийных военных организаций.

Профессиональные союзы тоже все стали на защиту советов. Центральное бюро профсоюзов выпустило воззвание к московским рабочим, в котором оно призывало их всех „сплотиться стальной стеной вокруг революционного комитета советов рабочих и солдатских депутатов".

Вечером 27 октября созывается собрание гласных всех районных дум в народном доме на Сухаревской площади. Как мы видели выше, районные думы, в большинстве своем большевистские, являлись одним из опорных пунктов при подготовке вооруженного восстания. 25 октября, после образования ВРК, было решено созвать все районные думы, под предлогом избрания совета районных дум, на самом деле для мобилизации вооруженных сил партии. На заседании фракции, когда с минуты на минуту ждали разрыва переговоров с Рябцевым и начала вооруженной борьбы, было решено прений на заседании не открывать, быстро закончить заседание принятием резолюции призыва к вооруженной борьбе. Открылось заседание. Большевики нервно ждали телефонных сообщений о том, чем кончились переговоры. Получается известие об ультиматуме Рябцева и о первых действиях в центре города. Председатель быстро заканчивает собрание, при протесте меньшевиков и кадетов. С призывом к вооруженной борьбе большевики—члены районных дум расходятся по своим боевым постам: одни идут в районы, другие—в Московский совет.

Контр-революция также собирает свои силы и создает центральный орган борьбы с рабочими и крестьянами, поднявшими знамя восстания против своих эксплоататоров. 25 октября утром в городской управе под руководством городского

головы эсера Руднева происходит совещание об организации Комитета общественной безопасности. На совещании принимают участие эсеры, меньшевики, кадеты, командующий Московским военным округом Рябцев и другие. В думу привозят пулеметы' размещают в здании думы юнкеров и отряды белогвардейцев. Канцелярия думы превращается в штаб по изданию эсеровских прокламаций, военных приказов и проч.

Исполнительный комитет Московского губернского совета крестьянских депутатов, орган, составленный из интеллигентов-эсеров и крестьян-кулаков, созывает экстренное заседание и выносит резолюцию о поддержке Временного правительства и против „самочинных выступлений рабочих".

Вечером 25 октября одновременно с заседанием пленума советов происходит заседание городской думы.

Думский зал набит битком. Все гласные в сборе. Ни шума, ни разговоров не слышно; упорная тишина. Загробным голосом открывает заседание Минор. Придавленным тоном излагает Руднев „печальную повесть о том, как..."

— Кто просит слова?—спрашивает Минор.

Общее молчание. На скамьях „правящей" партии полнейшая растерянность. Выручает, расстрелянный теперь, кадет Щепкин: „Я думаю, что думе в первую очередь желательно выслушать сидящих на левых скамьях, виновников грозных событий. Мне кажется, что от них мы узнаем больше, чем из своих речей".

Слово взял И. И. Скворцов, который произнес в этом заседании одну из своих лучших речей.

„Вы—жалкие, мелкие людишки,—обличал тов. Скворцов эсеровскую братию.—Народ, рабочие и крестьяне ненавидят вас за ваше небывалое предательство интересов революции. Начало революции вы стараетесь представить как выступление кучки заговорщиков. Из большинства вы стали ничтожным меньшинством. Суд истории настает для вас раньше, чем это вы могли думать'.

После речи тов. Скворцова начались выступления представителей фракции думского большинства. Это были бледные, неинтересные речи, лишь подтверждавшие наличие полного политического банкротства вчерашних господ положения.

В думском зале лились речи, а в районах Москвы кипела в это время лихорадочная работа: московский пролетариат готовился к бою. Гласные-большевики один за другим стали покидать думский зал и отправились по своим районам „дежурить". Пустующие скамьи большевистской фракции сильно встревожили думское большинство. Послышались голоса: „Большевики пошли дело делать, а мы здесь теряем время на разговоры. Надо и нам приступать к делу".

Это эсеровско-кадетское „дело“ вылилось в форму избрания „Комитета общественной безопасности“, который и руководил затем белогвардейскими войсками [1]).

В Комитет общественной безопасности вошли представители от городской управы, от уездной земской управы, железнодорожного и почтово-телеграфного союзов, штаба военного округа, совета солдатских депутатов и губернского совета крестьянских депутатов.

Боевые силы обеих сторон

В самом начале борьбы на стороне Комитета общественной безопасности, казалось, было достаточное количество боевых сил: в его распоряжении было два военных училища, шесть школ прапорщиков, всего тысяч десять бойцов, к тому же бойцов, вооруженных с ног до головы, с квалифицированным командным составом. Кроме того, буржуазия дала контр-революции своих сынков—студентов и гимназистов, и часть населения центральных буржуазных кварталов поддерживала белогвардейцев.

Военно-революционный комитет после своего избрания имел в совете под ружьем только роту самокатчиков в двести человек, но зато московский гарнизон почти целиком был на его стороне. Настроение солдат было приподнятое, боевое, они крайне враждебно относились к Керенскому и Временному правительству. Военное бюро при Московском комитете, создавшееся почти в первые дни его открытого существования, провело большую работу среди воинских частей, и большевики пользовались среди солдат громадным влиянием. По словам делегатов военной конференции, бывшей накануне октябрьских дней, некоторые части, как например, мастерские тяжелой осадной артиллерии, Мызо-Раевский гарнизон, батарея запасной артиллерийской бригады, готовы были итти в бой по призыву Московского комитета и Военного бюро. Для других частей нужен был еще и „призыв Московского совета“.

По воспоминаниям тов. Розенгольца, „в первые дни восстания, несмотря на значительную работу, проделанную военной организацией, не удалось сразу поставить под ружье те тысячи, на которых надеялась партия. Солдаты к нам поступали отдельными единицами, группами, а не целыми частями. Приходили постепенно, по мере того как развивалась борьба с юнкерами, и, таким образом, в дни наиболее

---

[1]) Подбельский.—В городской думе. Сборник. „Октябрьское восстание в Москве“. ГИЗ, 1922 г., стр. 57—58.

решительных схваток почти все солдатские массы Москвы были на стороне Военно-революционного комитета".

„В общем мы имели в Москве абсолютно верных нам бойцов не менее пятидесяти тысяч человек и столько же близких к нам колеблющихся, во всяком случае, не наших противников, а скорее наших друзей" [1]).

Настроение солдатских масс ярко проявилось на ряде собраний воинских частей, которые имели место 26, 27 и 28 октября. 26 октября собрание ротных комитетов, большинством 212 человек против одного и при 22 воздержавшихся, вынесло следующее постановление: „Ротные комитеты признают единственною властью советы рабочих и солдатских депутатов. Ротные комитеты будут подчиняться только распоряжениям Военно-революционного комитета совета рабочих и солдатских депутатов и требуют слияния обоих советов и перевыборов в кратчайший срок совета рабочих и солдатских депутатов" [2]). Представители ротных комитетов еще надеются, что можно избежать кровопролития, они решают послать в Революционный комитет и полковнику Рябцеву делегацию по одному представителю от каждой части с требованием немедленно увести из Кремля юнкеров и освободить осаждаемых солдат 56-го полка. Но в случае отказа они требуют от Военно-революционного комитета „самых решительных мер для освобождения арсенала и 56-го полка. Рабочие и солдаты должны быть немедленно вооружены" [3]).

27 октября собирается более многолюдное гарнизонное собрание, на нем еще присутствуют вместе с ротными и полковыми комитетами и представители солдатского совета, но настроение собрания и выступления представителей отдельных воинских частей уже ясно показывает, что „солдаты признают только власть Военно-революционного комитета".

28 октября собрание ротных, полковых и бригадных комитетов выступает еще более решительно. Президиум совета солдатских депутатов на нем отсутствует, представители его уже вошли в Комитет общественной безопасности. Но собрание делает еще последнюю попытку предупредить вооруженное столкновение обеих сторон. Эта попытка окончательно раскрывает глаза колеблющимся элементам солдат на действительное положение вещей и ставит их целиком на сторону Военно-революционного комитета. Собрание избирает „Совет десяти" и поручает ему оказать давление на обе стороны с тем, чтобы прекратить кровопролитие. Из переговоров „Совет десяти" скоро убеждается, что „Рябцев и

[1]) Муралов.—Из впечатлений о боевых днях в Москве. „Пролетарская революция", 1922 г., № 10, стр. 312.
[2]) „Социал-демократ", № 194.
[3]) Там же.

Комитет общественной безопасности не идут навстречу предложениям Военно-революционного комитета". Тогда „Совет десяти" мобилизует все части московского гарнизона, и представители его—Савва Степняк и Будзинский—входят в состав Военно-революционного комитета.

Рабочие Москвы участвовали в боях на ряду с солдатами. Отряды Красной гвардии вливались в воинские части. Красная гвардия была еще только в периоде организации, устав ее был утвержден только накануне октябрьского восстания, но задолго еще до этого на заводах и фабриках созданы были ячейки Красной гвардии. Меньшевики и эсеры оказывали бешеное сопротивление вооружению рабочих. Совет солдатских депутатов всячески тормозил создание штаба и утверждение устава, но под напором рабочих масс отряды Красной гвардии росли и крепли и во время октябрьских боев сыграли огромную роль.

Кроме красногвардейцев, „хотя и плохо обученных, но сильных духом", ряды борцов революции сильно пополнялись рабочими фабрик и заводов Москвы и Московской губернии. Крупные заводы и фабрики посылали целые отряды, иногда вооруженные. Например, завод Второва выставил около 200 вооруженных рабочих, принявших живейшее участие в борьбе. Оружие они достали через военную охрану завода; завод „Каучук" дал хорошо дисциплинированный боевой отряд, состоявший в значительной части из рабочих-латышей. То же самое было и на всех других больших фабриках. Женщины-работницы вступали в санитарные отряды. Кроме того, на всех фабриках и заводах партячейки, совместно с завкомами, организовали вооруженные ячейки для охраны предприятий. „Они сослужили великую службу, были нашими очами и ушами; от них получали мы ценнейшие сведения о самой малейшей попытке контр-революционного населения организовать и оказать помощь белогвардейцам; о всякой стрельбе из домов, просто о подозрительных людях и т. п. мы были немедленно извещаемы" (из воспоминаний тов. Цивцивадзе). То, что пишет тов. Цивцивадзе о Замоскворечье, приложимо целиком и к другим районам.

Относительно количества огнестрельного оружия и боевых припасов дает достаточные сведения в своих воспоминаниях тов. Пече—организатор Красной гвардии.

„Недели за две до переворота Керенским был отдан тайный приказ—из'ять из обращения все огнестрельное оружие. Московский гарнизон на три четверти оказался разоруженным; все отобранные пулеметы, винтовки, ручные гранаты передали юнкерам; к ним же было стянуто громадное количество огнеприпасов. Таким образом, перед Октябрем во всех более или менее революционных частях остались только

берданки почти без патронов, пулеметы, разобранные и без замков, гранаты без капсюлей. Я дал секретный контр-приказ авиапарку: при разборке пулеметов все взять на учет и иметь под рукой. В то же время солдаты старой армии массами стали сдавать рабочим ружья, патроны и даже пулеметы. Таким образом, к Октябрю все-таки мы имели некоторый запас оружия.

Накануне октябрьского переворота, тем не менее, мы оказались перед тем фактом, что все лучшие пулеметы были разобраны, винтовки всякого рода и другое более ценное вооружение юнкерами прибрано к рукам. Мы были без огнестрельных припасов, из-за которых и должны были выдержать необыкновенно сильную борьбу с нашими противниками, как это было, например, на Мызе-Раеве.

Огнесклад, на котором вся администрация и часть рабочих была нам враждебна, только благодаря неустанной энергии наших опытных товарищей мы имели к перевороту в своем распоряжении. То же самое можно сказать и по отношению к Симоновскому огнескладу и Тульскому оружейному заводу“ [1]).

В Туле нужно было захватить завод в свои руки или, по крайней мере, установить такой контроль, чтобы оружие не попало в руки противников. При содействии большевистской партийной организации удалось этого достигнуть. Точно так же при содействии партийной ячейки удалось овладеть Владимирскими пороховыми заводами. Огнесклад Симоновского района был взят изнутри заводским комитетом и героически охранялся рабочими.

Кремль с его громадными запасами винтовок и пулеметов, которые необходимы были для вооружения московских и подмосковных рабочих, и явился тем центральным пунктом вокруг которого раньше всего и ожесточеннее всего завязалась борьба.

---

[1]) Пече.—Красная гвардия. Сборник „Октябрьское восстание в Москве“, ГИЗ, 1922 г., стр. 49.

III. НАЧАЛО ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Борьба за Кремль

Инициатива наступления находилась в первый момент в руках Военно революционного комитета.

Еще утром 25 октября, до формального образования боевого центра (фактически он уже был назначен Московским комитетом), начинаются первые наступательные действия со стороны революционных сил.

25-го утром Московский комитет, получив известие о событиях в Петрограде, поручает тт. Аросеву и Ведерникову занять вооруженной силой почту, телеграф и телефон. Они отправляются в Покровские казармы, выводят оттуда отряд солдат 56-го полка и занимают почту и телеграф [1]).

Другим центральным пунктом в плане наступления является Кремль с его арсеналом: необходимо было удержать этот центр в своих руках, развивая от него дальнейшее наступление. Военно-революционный комитет в ночь на 26-е принимает меры к укреплению Кремля.

Охрану Кремля нес 56-й полк, настроенный большевистски, за исключением двух рот, которые шли за меньшевиками, и эсеровской броневой команды. Военно-революционный комитет поручает назначенному им комиссару Кремля и арсенала тов. Ярославскому ввести в Кремль на помощь 56-му полку из Хамовнических казарм одну роту 193-го полка и назначает начальником гарнизона Кремля тов. Берзина.

В ночь на 26-е в Кремль прибывает рота 193-го полка, а рано утром являются в Кремль, чтобы получить оружие из арсенала, грузовики из районов в сопровождении двинцев.

В то же время Комитет общественной безопасности, заседавший в городской думе, концентрирует свои силы вокруг

---

1) На заседании пленума советов, происходившем вечером этого же дня, тов. Ведерников об'яснил в ответ на запросы меньшевиков, что он действовал от имени Московского комитета партии и что поручение занять телеграф дала ему фракция большевиков, без ведома исполкома.

Кремля. Юнкера занимают манеж и окружают кольцом Кремль. Рябцев пред'являет Военно-революционному комитету требование вывода как 193-го, так и 56-го полков. Военно-революционный комитет, со своей стороны, требует увода юнкеров. Создается такое положение: наружную охрану Кремля несут юнкера, внутри Кремль наполнен большевистскими войсками, а в Николаевском дворце находится контр-революционный штаб. Прибывшие за оружием из районов грузовики нагружаются винтовками (начальник арсенала выдал 1.500 винтовок и несколько ящиков с патронами), но выехать из Кремля им не удается: юнкера их не выпускают.

В итоге переговоров Рябцев согласился снять блокаду из юнкеров с условием, что 193-й полк будет уведен из Кремля, а охрану будет нести только 56-й полк. Военно-революционный комитет пошел на эти условия, 193-й полк 27-го утром ушел из Кремля. В Кремле остался 56-й полк и с ним вместе тов. Берзин и рабочие, приехавшие 26-го в Кремль за оружием,—все или, по крайней мере, часть их. Того же 27-го числа вечером Рябцев снова окружает Кремль юнкерами. Оставшиеся в Кремле были совершенно отрезаны от всякого сообщения с Военно-революционным комитетом. Телефонная станция была в то время в руках юнкеров. Началась провокация по телефону: сообщали, что Совет народных комиссаров бежал из Петрограда и т. п. Военно-революционный комитет делает попытку снова занять Кремль. Из Хамовнических казарм 27-го вечером, уже после ультиматума, вызывается отряд двинцев [1]) в 300 человек. Отряд через Замоскворечье выходит на Красную площадь, где юнкера преграждают ему путь. Несколько рот юнкеров, выстроившись, потребовали от двинцев сдачи оружия. Солдаты ответили отказом и с своей стороны предложили, чтобы юнкера, во избежание кровопролития, очистили путь. Те отказались и открыли по двинцам пулеметный огонь. Двинцы геройски отстреливались, прорвали фронт юнкеров и пробились к совету, унеся с собой своих раненых.

Первые бои на улицах Москвы

В 6 часов вечера 27-го Рябцев об'являет город на военном положении и пред'являет Военно-революционному комитету ультиматум, в котором он требовал: 1) немедленной

[1]) Двинцами прозвали солдат, которые, будучи арестованы на Двинском фронте Керенским за революционную пропаганду, долгое время сидели в самых отвратительных условиях в Двинской, а затем в Бутырской тюрьмах, и были оттуда освобождены незадолго до октябрьского восстания, исключительно благодаря вмешательству большевиков.

ликвидации всех действий Военно-революционного комитета и упразднения его, 2) немедленного вывода из Кремля 56-го полка, 3) немедленного возврата вывезенного из арсенала оружия. Срок ответа на ультиматум 15 минут. В случае неполучения ответа к сроку по совету будет открыта артиллерийская стрельба.

Военно-революционный комитет отверг без обсуждения этот ультиматум и требования контр-революционного штаба. В ответ на ультиматум Рябцева Военно-революционный комитет, вместе с Центральным советом профсоюзов, об'явил всеобщую забастовку и призвал рабочих всех фабрик и заводов к открытой борьбе за власть советов. Районным ревкомам он дает приказ: „Штаб во главе с Рябцевым переходит в наступление. На митингах по заводам и фабрикам выяснить массам это положение; массы должны призываться к тому, чтобы показать штабу свою действительную силу. Для этого массы должны перейти к самочинным выступлениям, под руководством районных центров, по пути осуществления фактической власти советов в районах".

На призыв совета откликнулась вся рабочая Москва, весь московский гарнизон. 28-го утром забастовали все фабрики и заводы. Рабочие массами потянулись в центр и в свои районы. В районах были избраны военно-революционные комитеты, здания советов превратились в штабы. Рылись окопы, устраивались проволочные заграждения. По улицам ходили патрули из рабочих и красногвардейцев. Патрули не только охраняли свои районы от нападения юнкеров и белой гвардии, но и несли охрану населения от бандитов и другого жулья, которые, воспользовавшись революционной смутой, пытались грабить магазины и частные дома. Патрули разоружали всех проходивших по улицам офицеров; все ненадежные элементы, попадавшие им в руки, и отобранное оружие передавались в штаб. Революционные солдаты разыскивали также спрятанное ими прежде оружие и вооружались. Вооруженные отряды солдат, пополненные красногвардейцами, отправлялись на помощь центру.

Днем 28 октября Военно-революционный комитет приводит к совету с Ходынки батарею из 1-й артиллерийской бригады. По пути батарея подверглась обстрелу, но ей удалось без потерь пробиться к совету. Батарея была встречена неописуемым восторгом. Красногвардейцы и солдаты окружили орудия, рассматривали, ощупывали их. Орудия были поставлены у входа с бывшей Скобелевской, теперь Советской, площади, на Тверской, между гостиницей „Дрезден" и советом, и на углу Чернышевского переулка и Тверской.

Для того, чтобы обеспечить Страстную площадь со стороны градоначальства и Никитских ворот, была вызвана из

бригады еще дополнительная батарея, которую установили у памятника Пушкина.

29-го утром начался обстрел градоначальства. После 10—15 выстрелов из градоначальства был выкинут белый флаг, и сидевшие там сдались. Революционными войсками было взято в плен до 300 человек. Среди пленных были юнкера, студенты, конная милиция и просто граждане буржуазного вида, в „котелках“. По отрядам юнкеров, засевшим между Леонтьевским и Чернышевским переулками, был открыт артиллерийский огонь. В 5 часов того же дня советскими войсками была занята почта. Положение революционных войск улучшилось.

В первые дни чувствовался недостаток вооруженных сил. В районах только что начали формироваться отряды, которые позднее стали продвигаться к центру, занимая дома и улицы. Военно-революционным комитетом были вызваны подкрепления из Тулы, Владимира и Иваново-Вознесенска. 29-го утром из Минска прибыли две роты революционных солдат.

Вначале испытывался большой недостаток в вооружении и боевых припасах, но и здесь скоро наступило некоторое улучшение. На Казанской дороге красногвардейцы-железнодорожники получили сообщение, что прибыл вагон, нагруженный винтовками. Паровоз с красногвардейцами под'ехал к вагону, устранил поставленную к нему охрану и, прицепив его, быстро пригнал в паровозное депо. На автомобилях весь груз—ящики винтовок—немедленно был развезен по штабам революционных войск [1]).

Получение боевых припасов из Симоновских пороховых складов и из огнесклада на Мызе-Раево удалось установить позднее. Испытывался сначала недостаток и в транспортных средствах. Например, в Лефортовском районе „районному военно-революционному комитету в первую ночь, когда начались боевые действия, пришлось посвятить несколько часов поискам автомобиля для поездки в центр“. Затем наладилось дело и с транспортными средствами.

Замешательство, внесенное в ряды революционных войск занятием Кремля юнкерами, исчезало. „Мы стали нащупывать опорные пункты вокруг главных опорных пунктов противника: Кремль, дума, Арбатская площадь. Но нам бояться было нечего; все эти опорные пункты суть ловушки для белых, ибо мы фактически охватили их рядом колец—окружная дорога, все вокзалы, все районы и все казармы. Единственное спасение белых заключалось в том, чтобы, приняв активную оборону, ждать подкрепление извне, а именно—со стороны Смоленска, Калуги и Виндавы,—в этих видах, т.-е.

[1]) „Социал-демократ“, № 196.

для оттяжки времени, и предложили нам вступить в мирные переговоры“ [1]).

29-го в Военно-революционный комитет явились представители Викжеля с предложением установить перемирие. Они передали телеграмму из Петрограда, в которой Викжель требовал от обеих борющихся сторон „немедленно остановить гражданскую войну и сплотиться для образования революционного социалистического правительства“, которое пользовалось бы доверием всей демократии и в которое бы „вошли все социалистические партии—от большевиков до народных социалистов включительно“. Сторона, отвергшая это предложение, будет иметь против себя Викжель,—говорилось в этой телеграмме,—он будет беспрепятственно пропускать по железным дорогам войска ее противника и задерживать войска, идущие ей на помощь. В случае несговорчивости обеих сторон Викжель об'являет железнодорожную забастовку с 12 часов 30 октября.

Перемирие началось с 12 часов ночи на 30 октября и заключено было на следующих условиях: срок его 24 часа; стороны прекращают активное действие и стрельбу; в течение этого срока в расположении войск обеих сторон не должно быть произведено никаких перемещений. Особая комиссия устанавливает к 5 часам особую зону между борющимися сторонами. В 9 часов 30 минут должна собраться согласительная комиссия для выработки условий мира между обеими борющимися сторонами.

В 5 часов 45 минут протокол комиссии по выработке нейтральной зоны был уже подписан. Он устанавливал для обеих сторон те границы, из которых они не должны были выходить во время перемирия. Военно-революционным комитетом и штабом Московского военного округа были даны приказы о прекращении боевых действий.

Согласительная комиссия собралась утром 30 октября. Переговоры происходили в царском павильоне Курского вокзала. Со стороны Военно-революционного комитета присутствовали—Смидович, Муралов и Кушнер. От Комитета общественной безопасности—Руднев, Шер и Кобезский, викжельцы и представители блока „нейтральных“ партий и организаций. Переговоры тянулись целый день.

В согласительной комиссии, где велись переговоры, наглость белогвардейцев дошла до того, что они пред'явили в числе прочих требований требования роспуска Красной гвардии, ареста Военно-революционного комитета и организации совета офицерских депутатов. Представители Военно-

---

[1]) Муралов.—Из впечатлений о боевых днях в Москве. „Пролетарская Революция“, 1922 г., № 10, стр. 313 и 314.

революционного комитета с негодованием отвергли предложения. Выработанный комиссией проект соглашения был представлен вечером 30-го в Военно-революционный комитет, который даже не стал его обсуждать.

Фактически перемирие и не наступало: боевые действия не прекращались ни той, ни другой стороной. Некоторые районы или не получили приказа о перемирии вследствие плохой связи, или на отдельных участках борьба была настолько ожесточенна, что, несмотря на приказ, военные действия продолжались, как это, например, имело место при обстреле телефонной станции или при наступлении на Алексеевское военное училище.

Юнкера, несмотря на установленную нейтральную зону, пытались во время перемирия улучшить свое стратегическое положение. Они повели наступление с Тверского бульвара и Никитских ворот, напали на патрули советских войск и ранили многих из них. Они пытались захватить мосты через Москва-реку и делали отчаянные попытки пробиться на Крымскую площадь и взять обратно интендантские и провиантские склады, захваченные накануне советскими войсками. На Пречистенке они заняли было один окоп, но были выбиты оттуда. Условия, выработанные комиссией по установлению нейтральной зоны, не соблюдались ими, и даже член этой комиссии, Савва Степняк, во время переговоров подвергся обстрелу со стороны юнкеров, был ранен и едва вырвался от них живым.

Несмотря на нейтралитет, обещанный Викжелем, Киевско-Воронежской железной дорогой был перевезен отряд ударников, который на Брянском вокзале забрал винтовки, повидимому, для них приготовленные, арестовал коменданта, оставил охрану и отправился в Кремль.

Так соблюдалось перемирие. Еще до истечения срока перемирия трещали пулеметы и гремела артиллерия. Борьба принимала более упорный, более ожесточенный характер. Из Военно-революционного комитета выходят последние соглашательские элементы—об'единенцы. Инициатива переходит снова в руки Военно-революционного комитета. Об'являя об окончании перемирия, Военно-революционный комитет в своем приказе призывает „все верные революции части и Красную гвардию стоять твердо за правое дело“ и заявляет, что „с этого момента мы вступаем в полосу активных действий“.

IV. РЕШАЮЩИЕ ДНИ

В Военно-революционном комитете

Как мы видели выше, Военно-революционный комитет был избран на пленуме Московского совета 25 октября в составе 4 большевиков, 2 меньшевиков и 1 об'единенца.

Меньшевики заявили при своем вхождении в Военно-революционный комитет, что они входят, чтобы мешать работе его изнутри. Об'единенцы в силу занятой ими позиции—примирить все партии—по существу тоже могли только мешать работе Военно-революционного комитета. Присутствие представителей этих партий внесло в деятельность Военно-революционного комитета элемент нерешительности, склонность к переговорам с противной белогвардейской стороной, элемент соглашательства. Только что Военно-революционный комитет отверг ультиматум Рябцева и перешел к военным действиям, как меньшевики во главе с Исувом, выполняя якобы роль посредника, а по существу роль шпиона белых, входят 27 октября ночью с предложением начать переговоры с Комитетом общественной безопасности.

Решительные действия Военно-революционного комитета вызывают протест со стороны меньшевиков. Они требуют прекращения военных действий и создания „общедемократического комитета с участием всех революционно-демократических организаций". Военно-революционный комитет игнорирует их заявление, и они 28-го утром выходят из Военно-революционного комитета

Уже после их ухода из Военно-революционного комитета в течение 2-3 дней постоянно мелькала в совете фигура меньшевика Исува, приходившего из Комитета общественной безопасности „с целью убедить большевиков прекратить братоубийственную борьбу", а фактически выполнявшего роль лазутчика белых. Наконец, меньшевикам закрыли доступ в совет.

Об'единенцы отозвали из Военно-революционного комитета своего представителя 30 октября, после прекращения перемирия, но до самого конца восстания, до окончательной победы рабочих, они, вместе с частью левых эсеров, будучи противниками „братоубийственной войны", продолжали извне, попытками примирения, тормозить работу Военно-революционного комитета.

В первые дни борьбы состав Военно-революционного комитета значительно расширился сравнительно с тем, какой был установлен Московским комитетом партии и пленумом совета. В него вошли представители профессиональных союзов: большевики Кушнер и его заместитель Рыкунов, от Красной гвардии большевик Ведерников, от союза городских рабочих и служащих левый эсер Пупко, от „Совета десяти" (который был выбран на гарнизонном собрании) Савва Степняк, Мостовенко и Будзинский. Военно-революционным комитетом был кооптирован тов. Розенгольц как секретарь Военно-революционного комитета. После ухода меньшевиков Военно-революционный комитет принимает в свой состав представителей большевистской фракции исполкома тт. Игнатова и Певунова. Таким образом, из небольшого боевого органа в 7 человек (каким Военно-революционный комитет был избран 25 октября на об'единенном заседании советов) Военно-революционный комитет превратился в довольно многочисленный орган [1]) с текучим переменным составом (вследствие института заместителей).

В работе чувствовалась постоянно необходимость оформления состава Военно-революционного комитета, по крайней мере его состава с решающим голосом. Например, на полях протокола заседания Военно-революционного комитета от 1 ноября имеется такая запись: „с решающим голосом: 1) Рыкунов, 2) Смирнов, 3) Пупко, 4) Муралов, 5) Аросев, 6) Мостовенко, 7) Ломов, 8) Ведерников".

Чрезмерное расширение и текучесть состава Военно-революционного комитета вызвали вмешательство со стороны партийных органов. Партийная „пятерка" предложила оформить

[1]) В „Известиях Военно-революционного комитета" № 3 от 5 ноября опубликован список членов ВРК и заместителей Персональный состав ВРК в первый день после победы был почти такой же, как и в дни борьбы. Приводим этот список.

1) Смирнов В. М., 2) Муралов Н. И., 3) Усиевич Г. А., 4) Ломов, 5) Нахгальцев (от временного совета полковых, ротных и бригадных комитетов), 6) Кушнер (от Центрального бюро профсоюзов), 7) Пупко (от Центрального союза городских служащих и рабочих). Заместители: 1) Аросев, 2) Мостовенко, 3) Ведерников, 4) Рыкунов, 5) Плеханов (от временного совета полковых, ротных и бригадных комитетов), 6) Степняк (от временного совета полковых, ротных и бригадных комитетов), 7) Монахов (от Центрального совета городских служащих и рабочих), 8) Мельничанский (от Центрального совета профессиональных союзов). Секретари: Усиевич и Розенгольц.

состав Военно-революционного комитета, и состав его был сужен, что сделало его более подвижным и однородным.

Военно-революционный комитет занял в здании Московского совета одну из комнат верхнего этажа (на антресолях), выходивших во двор. Рядом с ним по одну сторону поместился его штаб, по другую сторону—„партийная пятерка".

Главную работу по организации службы несли: тт. Розенгольц, Рогов М. И., Альперович, Подбельский, Шевердин. Организация разведки была поручена тов. Максимову К. Г. Интендантская часть была быстро налажена тов. Сахаровым (из профессионального союза портных); несмотря на то, что Московский совет в то время почти был отрезан от районов, районы окружным путем доставляли в совет необходимые продукты—хлеб, колбасу, консервы. Здание Московского совета представляло собой вооруженный лагерь, где были постоянно тысячи народу. Сюда тянулись рабочие из районов, солдаты из казарм, здесь формировались воинские части. Здесь был не только военный штаб, но и штаб партийный. Сюда приходили из районных комитетов за информацией, указаниями и т. д. Как в дни до Октября приходили ежедневно в „Дрезден" в МК, так тянулись теперь к тов. Пятницкому в Московский совет. Здесь же в „пятерке" были секретарь областного бюро и член окружки—сюда шли за связью из губерний и областей.

Из здания Московского совета шли боевые приказы районным военно-революционным комитетам и их штабам и партийные директивы районам. Это требовало хорошей организации службы связи (а она была далеко не безупречна) и свободных путей сообщения между советом и районами. Между тем, с первых же дней восстания Московский совет оказался почти отрезанным от районов. Тверская улица со стороны Охотного ряда и переулки справа и слева по Тверской до совета были заняты белыми. Тверская от совета к Садовой и Садовая к Сухаревке были открыты. Но и этот путь находился под пулеметным и оружейным обстрелом из прилегавших переулков. Сношения шли окружным путем и с большими затруднениями.

Когда 31 октября Московский совет оказался почти окруженным белыми, в Военно-революционном комитете и в „пятерке" поставлен был вопрос о переходе боевого и партийного штаба в один из районов, откуда можно было бы легко держать связь со всеми пунктами боевых действий и с партийными районными центрами.

Военно-революционный комитет и партийная „пятерка" постановили, что в здании Московского совета должна

оставаться лишь часть Военно-революционного комитета, а остальные должны перейти в один из районов. Был намечен Городской район с центром на Сухаревой площади. Сюда рано утром 1-го перешла из совета „пятерка", в здание профессионального союза металлистов (в Троицком переулке). Но уже через несколько часов белые нащупали наш центр: телефонная связь с районами прекратилась. Партийный штаб переходит в один из наиболее важных в стратегическом отношении и сильных пролетарских районов—Замоскворечье—и поддерживает отсюда, через Рогожский район, связь с другим центром боевых действий—Басманным и Лефортовским районами. Военно-революционный комитет остался в здании совета.

В районах

Непосредственно в центре боевых действий находился Городской район. Правда, часть его территории вокруг совета и Кремля была отрезана от его штаба, и там боевыми действиями руководил центральный штаб, но и на других его участках происходили ожесточенные бои, которыми руководил районный штаб.

Ревком помещался на углу Сухаревой площади и 1-й Мещанской, в трактире Романова, вместе с районным партийным комитетом. Помещение трактира было превращено в военный лагерь, здесь день и ночь заседал ревком, представители ячеек дежурили все время. „В коридорах, на лестницах и во всех комнатах серые шинели и суровые, черные фигуры рабочих. Беспрерывно щелкают винтовки, говор, возбуждение, сверкающие энтузиазмом лица..."[1]). Пришли рабочие с фабрик, приехали даже из уезда. Приехали ночью с факелами и винтовками... На вопросы: „кто?", „куда?", „зачем?"—отвечали: „Услышали, что у вас жарко, и пришли помочь, ведь вопрос-то, небось, жизни и смерти всех рабочих решается. С нами и работницы. Большинство беспартийные. Давайте скорее назначение".

На стороне ревкома были также и воинские части, расположенные в этом районе. Солдаты Спасских казарм только ждали приказа ревкома, чтобы выступить, офицеры были все арестованы. У ревкома вначале недоставало оружия и опытных военных руководителей. Только во время самих боев удалось получить оружие и наладить работу. Между тем, в этом районе советским войскам приходилось сражаться среди враждебно настроенного населения. Буржуазия, насе-

[1]) А с я.—Октябрь 1917 г. в Городском районе. Сборник „Октябрьские дни", изд. „Московский рабочий", 1922 г., стр. 60.

лявшая центральные улицы, была, конечно, на стороне Комитета общественной безопасности, и наиболее активные ее элементы, чаще всего учащаяся молодежь, стреляли в рабочих и солдат из окон домов и с чердаков. Приходилось по нескольку раз обыскивать некоторые дома и отбирать оружие. Кучка белогвардейцев, засевшая в соседних с зданием ревкома домах, беспрерывно палила с чердаков и из окон верхних этажей в ревком, пока солдаты не втащили пулемет на Сухареву башню и, открыв оттуда огонь, не заставили белогвардейцев замолчать.

В районе находились такие боевые пункты, как телефонная станция и почтамт. Телефонная станция вначале охранялась караулом 56-го полка, но в виду недостатка людей, караул был снят. Этим воспользовались юнкера и заняли станцию. Заняты ими были также почта и телеграф. Выбить их оттуда удалось с большим трудом. Почта и телеграф были взяты 29 октября, телефонная станция—1 ноября.

Другим районом, который находился в центре боевых действий, был Хамовнический район. Здесь были сосредоточены главные силы врага; здесь на Пречистенке находился его военный штаб, в районе помещались две школы прапорщиков. Население Пречистенки, Арбата и их переулков было настроено враждебно по отношению к совету и революционным войскам; приходилось сражаться в самой тяжелой обстановке: из каждого окна, из каждого дома могли ждать выстрела, за каждым углом мог скрываться враг. Хамовнический район представлял собой „вооруженный военный лагерь,—рассказывает в своих воспоминаниях тов. Попова.—Было впечатление, как будто каждый дом, это—наш противник: из каждого дома стреляли, из каждого окна были выстрелы, с каждой крыши раздавалась пулеметная стрельба... Нужно было отвоевывать окно за окном, дом за домом, и так—шаг за шагом—двигались мы от Зубовской площади к Арбату“ [1]).

Ревком и штаб советских войск помещались вначале на Царицынской площади. „Этот маленький беленький домик“ был окружен с утра до ночи громадной толпой, которая не умещалась в доме. Рабочие толпами шли сюда, несмотря на то, что пули свистели сверху и снизу. Здесь помещался также и партийный центр. В студенческой столовке было организовано питание для красногвардейцев и медицинская помощь; санитарная часть была, главным образом, в руках работниц, которые работали также в разведке.

С вооружением в Хамовниках, как и в других районах, было вначале очень плохо; даже солдаты 193-го полка,

[1]) Попова.—В Хамовниках. Сборник „Октябрьские дни“, 1922 г., стр. 111.

помещавшиеся в Хамовнических казармах, имели не более 100 винтовок. 25 октября район располагал только дюжиной старых винтовок. Вооружаться начали путем „разоружения“: патрули из красногвардейцев и солдат арестовывали и вели в совет всех военных, всех, у кого были погоны. Их там разоружали, а оружие передавали рабочим и солдатам. Так обстояло дело до 29—30 октября, когда на Казанской дороге красногвардейцами-железнодорожниками был взят вагон с винтовками, и Хамовнический ревком получил оттуда винтовки.

Военные силы Хамовнического ревкома состояли из солдат 193-го полка и рабочих отрядов. Вначале солдатская масса была пассивна. Когда 27 октября поздно вечером явился тов. Ангарский в Хамовнические казармы, чтобы привести оттуда 193-й полк, то хотя полковой комитет после обсуждения решил выступить на защиту совета, но все делалось „вяло, неуверенно, нерешительно. Сонные одевались солдаты, медленно группами выходили на двор, медленно строились. Спорили, несколько раз меняли решение и, наконец, заявили, что выступят утром“. На следующий день (28-го) около 12 часов дня три роты выступили. Но дня через два, когда борьба развернулась во-всю, солдаты 193-го полка явились главной боевой силой. На третий. на четвертый день борьбы пришли отряды рабочих: завод Второва прислал вооруженный отряд в 200 человек (оружие они достали через военную охрану завода), хорошо дисциплинированный, боевой отряд дал завод „Каучук“, где еще с Февральской революции большевики пользовались большим влиянием и сочувствием и где большинство рабочих были латыши. Рабочие и работницы Уваровского трамвайного парка рыли окопы, развозили продовольствие, нередко под обстрелом; многие из них принимали участие и непосредственно в боевых действиях.

Главная задача Хамовнического ревкома состояла в продвижении по Пречистенке к штабу, в преграждении движения юнкеров по Арбату к Смоленскому рынку, в очищении переулков между Арбатом и Пречистенкой и в охране Брянского вокзала. Борьба была трудная. Советские войска то продвигались вперед, то отступали, теснимые юнкерами. Вначале доходили по Пречистенке до Обухова переулка, потом юнкера оттеснили их до Зубовской площади. По Смоленскому бульвару доходили почти до Сенной площади, но почти весь Арбат был в руках юнкеров. 29 октября были взяты интендантский и продовольственный склады на Крымской площади, что имело громадное значение для снабжения продовольствием не только Хамовнического района, но и других районов.

В Дорогомиловском подрайоне положение было тяжелое. Здесь помещалась 5-я школа прапорщиков, которая вела все время активные действия против Военно-революционного комитета. 27 октября офицеры с отрядом юнкеров разгромили совет; 28-го ревком был восстановлен, но белогвардейцам удалось захватить в свои руки Брянский вокзал и Смоленский рынок. Они взяли также Бородинский мост и через него с Брянского вокзала во время перемирия привели в Кремль отряд ударников (в ночь на 30-е), 30-го Брянский вокзал перешел опять в руки ревкома. 1 ноября большевики повели наступление на 5-ю школу прапорщиков, а 2-го в час ночи она сдалась.

Так боролись 8 дней. Последние дни были очень тяжелыми. Противник, которого теснили со всех сторон, сосредоточил все свои силы в Хамовническом районе. Положение штаба на Царицынской площади стало угрожающим, пули с Пречистенки летели на Царицынскую площадь, бомбы противника попадали иногда и в самое здание штаба, по Плющихе прогуливался неприятельский броневик. Руководить операциями при таких условиях было трудно, и штаб в виду этого переехал в Хамовнические казармы, оставив в здании совета только нескольких товарищей из руководящей группы.

Замоскворечье находилось почти все время вне театра военных действий. Там не было крупных боевых сил противника, за исключением некоторых отдельных пунктов: в Александровских казармах помещалась школа прапорщиков, Коммерческий институт находился вначале в руках враждебно настроенного студенчества, в Котлах стояла казацкая часть. Но все эти отдельно разбросанные группы удалось ликвидировать и обезвредить в самом начале. Буржуазное население держалось нейтрально. Правда, из некоторых особняков, заселенных главным образом состоятельными жильцами, нередко производились в первые дни восстания провокационные выстрелы, но благодаря энергии Военно-революционного комитета, издавшего ряд приказов о немедленном учете домовыми комитетами имеющегося у жильцов оружия и сдаче его Военно-революционному комитету, о порядке производства обысков, благодаря предупреждению, что в случае повторения провокационных выстрелов дома будут беспощадно обстреливаться,—эти выстрелы прекратились.

Сочувствие населения рабочих кварталов всецело было на стороне совета. Рабочие горели революционной энергией и рвались в бой.

„В райкоме по нескольку раз в день приходилось устраивать широкие собрания с докладом о положении дел, чтобы

удовлетворить собравшихся рабочих. Все были в недоумении, все возмущались, почему Московский комитет и Военно-революционный комитет медлят". 27-го вечером на одном из таких собраний „...рабочий с завода Бромлей выступил с резкой критикой такого решения; он указал, что в городе уже пахнет порохом, что во всех казармах офицеры ведут контрреволюционную агитацию, что юнкеров ротами отправляют в центр, а студенты получают от думы винтовки... Собрание вполне сочувственно отнеслось к протесту и постановило послать тт. Пана и Сычева в Центральный военно-революционный комитет, чтобы настаивать на более решительных действиях. Одновременно было решено послать делегации в воинские части, расположенные в районе, чтобы узнать настроение солдатских масс и привлечь их на свою сторону. Одна делегация была направлена в 55-й полк, другая—в 196-ю запасную дружину"[1]).

Делегации в воинских частях были встречены восторженно. Все воинские части, расположенные в Замоскворечье, были все время восстания на стороне Военно-революционного комитета и боролись вместе с рабочими отрядами против юнкеров. В Котлах, правда, стояла казацкая часть, но казаки, после переговоров с ними рабочих фабрики Михельсона и Даниловской мануфактуры, не только согласились сохранять нейтралитет, но даже сдали оружие. На всех заводах и фабриках были организованы вооруженные ячейки для охраны заводов, которые оказывали большую помощь Военно-революционному комитету в борьбе. Некоторые фабрики и заводы представляли собой крупную военную силу и сыграли большую роль. Так например, завод Михельсона дал отряд в 200 человек красногвардейцев и 150 человек для санитарного отряда. Этот же завод дал 100 винтовок, которые он прятал у себя еще с Февральской революции. Винтовки эти в первые дни боя, когда у революционных войск совершенно не было оружия, сыграли громадную роль. Рабочие телефонного завода и электрической станции заняли Чугунный мост и охраняли его от юнкеров. Они также регулировали освещение, выключая свет в местах расположения белогвардейцев. Завод „Поставщик" дал отряд в 50 человек. Рабочие трамвая перевозили вооружение, раненых, рыли окопы. Даниловская мануфактура охраняла район от нападения казаков, которые двигались по шоссе из Каширы, и т. д. Рабочие шли также и в одиночку и требовали оружия; шли старики и женщины. Район располагал такими силами, что мог оказать большую помощь центру и другим районам.

---

[1]) Из воспоминаний тов. Цивцивадзе.

С центром Замоскворецкий район связан мостами. С самого начала мосты оказались занятыми или запертыми белогвардейцами, которые сконцентрировали около них большие силы, поместили бомбометы и пулеметы. За мосты шли ожесточенные бои. Когда революционным войскам удалось отбить мосты, они повели наступление от Крымского, Каменного и Замоскворецкого мостов к центру. Особенно упорные бои велись все время в районе Остоженки и Пречистенки, куда Замоскворецкий район непрерывно посылал подкрепления. Замоскворецкие войска участвовали и в наступлении на Кремль. По Замоскворецкому мосту 30 октября вечером они перешли на городской берег и укрепились здесь; отсюда они подошли позднее к Кремлю. С Воробьевых гор шел обстрел Кремля из орудий. Замоскворецкому же району была дана задача обстрелять кремлевскую стену, выходящую к манежу, чтобы пробить брешь у Троицких ворот. Его орудия участвовали и в обстреле Александровского училища.

Замоскворецкий военно-революционный комитет толкал центральный штаб к более решительному наступлению на противника.

В архивах Замоскворецкого района сохранилось много документов. Замоскворецкий военно-революционный комитет писал 1 ноября в Центральный военно-революционный комитет: „Дальнейшее промедление и малая решительность могут весьма гибельно отразиться на успехах революции. Поэтому Замоскворецкий военно-революционный комитет предлагает начать работу 6-дюймовых орудий и просит высказать свое мнение Военно-революционный комитет по этому поводу. Предварительно предлагает сдаться юнкерам и в случае отказа с их стороны начнет свои действия с 10 часов утра". Документ подписан тов. Штернбергом.

Ответ Военно-революционного комитета:

„Военно-революционный комитет совета рабочих и солдатских депутатов разделяет вашу мысль о необходимости быстрого решения вопроса, поэтому мы еще вчера послали спешный приказ о необходимости открыть рано утром огонь по Кремлю, заняв предварительно теми орудиями, какие стоят на Москва-реке, угол Волхонки и Моховой, а также место около Каменного моста.

Если есть артиллерия и в других местах, то тоже необходимо открыть огонь по Александровскому училищу и Кремлю, и сделать это надо не к 10 часам, а гораздо раньше".

В этот пролетарский район, связанный почти со всеми важными пунктами театра военных действий, перешел партийный центр и держал отсюда связь с районами. Здесь

удалось быстро наладить ежедневный выпуск газеты „Социал-демократ“, руководящего органа Московского комитета, номера которого почти целиком составлялись тт. Бухариным, Ольминским и Скворцовым.

Рогожский и Симоновский районы, смежные друг с другом, выступали на театре военных действий совместно, выполняя связанные одну с другой операции. Оба эти района имели очень большое значение в военном отношении: в Симоновке находились пороховые склады, где хранилось до 200 миллионов патронов; Рогожский район являлся тем путем, по которому обе противные стороны могли бы доставлять в свои штабы боевые припасы из этих складов. Необходимо было поэтому держать в своих руках не только Симоновские склады, но и главные пути Рогожского района, а для этого нужно было овладеть Крутицкими казармами, где находилось юнкерское училище георгиевских кавалеров.

26 октября, около 4 часов вечера, белогвардейцы сделали налет на пороховые склады и, воспользовавшись замешательством рабочих, нагрузили грузовики патронами и уехали. Симоновцы спохватились, раздобыли оружие, заняли пороховые погреба и поставили повсюду караулы.

28-го утром, когда загудели фабричные гудки, когда до рабочих дошел призыв Военно-революционного комитета к забастовке, одна фабрика за другой бросили работу, и рабочие потянулись в районные советы. „Первым пришел отряд Бухаринского парка, за ним бежали, перегоняя друг друга, гужоновцы, рабочие завода Подобедова, фабрики: „Марс“, „Караван“, Дангауэр и другие. Работницы фабрик Остроумова, Келлера, Сумина целыми группами шли в район, записывались в отряды красных сестер“ [1]).

Центром района был Рогожский совет на Алексеевской улице, где помещались также штаб и районный партийный комитет. Здесь день и ночь кипела работа: звонили телефоны, приносили вести разведчики, принималось и передавалось оружие, приходили отряды с фабрик и заводов, формировались перевязочные отряды. Вокруг совета толпилась также масса рабочих, которых здание совета не могло вместить. Рылись окопы, устраивались проволочные заграждения,—проволоку привезли с завода из Сыромятников.

Оружия в первые дни восстания не было. Отправлены были четыре грузовика в Кремль за винтовками, когда Кремль еще был в наших руках, но их перехватили на

---

[1]) К. Духонин, Листов, Моисеев, Мельников, Ледов, Воеводин.—Октябрьская революция в Рогожско Симоновском районе. Сборник „Октябрьские дни“, изд. „Московский рабочий“, 1922 г., стр. 116.

обратном пути юнкера. Первые винтовки были получены из Астраханских казарм (в Рогожском районе). Привезли 70 винтовок, вооружили ими рабочих Бухаринского парка, и отряд в 50 человек сейчас же был отправлен на Варварскую площадь, куда требовал помощи Военно-революционный комитет. Затем поступили винтовки с Казанского вокзала, и отряд за отрядом начали вооружаться. Достали даже батарею тяжелой артиллерии, которая была поставлена на Андрониевской площади для обстрела манежа, но она произвела лишь один пробный выстрел и в виду получения задания взять Крутицкие казармы была перевезена к Покровской заставе.

31 октября были взяты Крутицкие казармы. Путь к центру и другим районам стал свободен, и Симоновские пороховые склады начали их снабжать патронами и снарядами. В это же время было взято Алексеевское военное училище, в наступлении на которое участвовали и силы Рогожского и Симоновского районов.

Очистив свою территорию от неприятеля, Рогожский и Симоновский районы бросили все свои силы в центр. Они заняли участок между Москва-рекой, Яузой и Солянкой, Варварскую площадь, Варварку и вышли на Красную площадь. Рогожский район первым вошел в Кремль.

Басманный и Благуше-Лефортовский районы были почти в одинаковом положении. Оба эти окраинные рабочие районы имели в своем распоряжении большой запас военной силы, довольно сильную Красную гвардию и многочисленное рабочее население. Они имели и общие военные задачи: на границе этих районов находилось Алексеевское военное училище, которое являлось серьезной угрозой для обоих районов и на борьбе с которым оба района сосредоточили главным образом свое внимание.

Из военных частей здесь были три роты и учебная команда телеграфно-прожекторного полка, имевшие довольно хорошую партийную организацию и организовавшие установкой полевых телефонов связь в этих районах; 661-я ополченческая дружина, 2-я автомобильная рота в военном Преображенском гараже, самокатный батальон и мастерские тяжелой осадной артиллерии, которые явились главной силой этих районов в октябрьские дни. В них была сильная партийная организация: из 3.000 рабочих в августе было 900 большевиков; Красная гвардия здесь начала организовываться в августе, и к октябрьскому восстанию был организован уже целый полк из красногвардейцев и с батальонными и ротными командирами. Конечно, командный состав был тоже из рабочих. Самый большой чин, которые имели эти командиры, было унтер-офицерское звание. В этих

мастерских имелось и вооружение—были тяжелые орудия, были берданки и винтовки. Правда, „воинственно-настроенные рабочие были плохими артиллеристами“, но рабочие, не умевшие раньше держать винтовку, обстрелянные за 2-3 дня во время наступления на Алексеевское военное училище, представляли уже боевую единицу.

Население районов было всецело на стороне Военно-революционного комитета. „В толпе говорили не о борьбе большевиков, а о борьбе рабочих и солдат с буржуазией. Бабы, мелкие торговцы, всякие обыватели арестовывали лиц, агитировавших против совета, и приводили в районный совет со словами: Теперь, когда идет бой рабочих и солдат с буржуазией, кто против совета, тот на стороне буржуазии и, значит, враг народа“ [1]).

В Басманном районе было техническое училище, которое в 1905 г. было центром революционных сил, а в 1917 г. Военно-революционному комитету пришлось в первые же дни Октябрьской революции произвести там обыск и отобрать оружие у студентов, которые в большинстве своем были настроены против советов. В Басманном районе только один студент принимал участие в боевых действиях на стороне красных. Рабочие во всей своей массе боролись под руководством Военно-революционного комитета. „Не было отдельных героев, но героем была сама масса“ [2]). Красногвардейцы проявляли чудеса мужества. Тов. Мандельштам рассказывает в своих воспоминаниях, как один 17-летний красногвардеец, на вид совершенный мальчик, привел в ревком с ног до головы вооруженных трех офицеров, у которых были браунинги, шашки и другое оружие, а когда его спросили: „Заряжена ли у тебя винтовка?“—он ответил: „Нет, у меня нет ни одного патрона“ [3]).

Все воинские части были на стороне Военно-революционного комитета. „Солдаты выражали недовольство по поводу затягивания военных действий... Многие солдаты поступали в Красную гвардию из лазаретов, не вполне оправившиеся от ран и болезней“ [3]).

Формирование военных отрядов происходило без всякой агитации и уговоров: отдавался приказ той или другой воинской части, она собиралась в Введенском народном доме, где помещались штаб и ревком, получала там вооружение и командиров и отправлялась к месту назначения. В первую же ночь Благуше-Лефортовский район послал к центру три роты телеграфно-прожекторного полка, 661-ю

[1]) „Социал-демократ“, № 197.

[2]) Мандельштам.—Предтеча Красной армии. Сборник „Октябрьские дни“, изд. „Московский рабочий“, 1922 г., стр. 120.

[3]) „Социал-демократ“, № 197.

ополченскую дружину и отряд красногвардейцев, в общем 600 человек, и затем каждый день посылались отряды от 200 до 400 человек,—всего центру послано был 2.500 человек. Такую же помощь центру оказывал и Басманный район.

Но перед этими районами, кроме того, стояли и другие задачи—охрана своей территории и очистка его от белогвардейцев. Образцовый порядок на улицах был делом рук самих вооружившихся рабочих. Охрану района несли патрули из рабочих, которые в наиболее важных пунктах проверяли пропуска автомобилей и пешеходов (свободное передвижение по району прекращалось с наступлением темноты, днем оно было свободным). Рабочие же патрули охраняли заводы и фабрики.

Улицы и переулки были перерыты окопами, и передвижение автомобилей и подвод могло совершаться только по немногим магистралям, тщательно охраняемым. Окопы эти в случае надобности могли быстро превратиться в баррикады.

В самом центре этих районов находился боевой пункт белогвардейских сил—Алексеевское военное училище и кадетские корпуса. В них находились, кроме кадетов и их воспитателей, юнкера и командный состав. Все это вместе с кадетами старших классов, которые также принимали участие в боях, в общем составляло до 400 бойцов. Имелось в изобилии вооружение—винтовки, пулеметы. Прочные здания корпусов представляли собой настоящую крепость, в саду были вырыты окопы, устроены пулеметные гнезда. Алексеевское военное училище представляло собой угрозу для Басманного, Рогожского и Благуше-Лефортовского районов.

29 октября вечером на совещании представителей этих трех районов было решено уничтожить это гнездо, и 30-го рано утром начали наступление, в котором участвовали мастерские тяжелой осадной артиллерии. Из корпусов был открыт огонь из винтовок, которым среди осаждавших было 5 человек убито и свыше 10 ранено. Тогда по корпусам был дан залп, и осажденным предложено было сдаться. После отказа начался артиллерийский обстрел. Первые два выстрела были неудачны: при орудиях не было панорам, приходилось бить на-глаз при большой дистанции—снаряды попали в Симоновский район и разрушили два дома. Тогда перевезли пушки ближе к Алексеевскому училищу и открыли стрельбу. В час дня юнкера и кадеты очистили два корпуса и перешли в третий. Бомбардировка продолжалась, и только в ночь на 31 октября был взят последний корпус, и находившиеся там юнкера и офицеры взяты в плен. При взятии корпусов было забрано много оружия: винтовок и

пулеметов. Пулеметы были сейчас же распределены по районам, а юнкера переведены в военную тюрьму.

Покончив с этой задачей, Басманный и Благуше-Лефортовский районы направили все свои силы на помощь центру. Отряды, взявшие Алексеевское училище, участвовали затем в наступлении на „Метрополь“, городскую думу и Кремль.

В Сокольническом районе боев не было, но он сыграл большую роль по поставке боевых сил центру. Главным пунктом здесь были Сокольнические трамвайные мастерские. Во время войны в этих мастерских вырабатывали военные снаряды и работало до 4.000 рабочих. В октябрьские дни эти мастерские превратились в вооруженный лагерь: туда везли винтовки и патроны, там формировались вооруженные отряды, там было организовано питание для рабочих. За октябрьские дни через Сокольнические мастерские прошло до 10.000 рабочих.

Кроме рабочих Сокольнического района, сюда приходили и рабочие из уезда: например, приехали из Мыза-Раево, оттуда же доставили оружие и динамит. Пришли рабочие с Кольчугинского завода и привели с собой фельдшериц. В трамвайных вагонах были организованы летучие отряды Красного креста. Они продвигались, по мере возможности, к центру. В отряды эти преимущественно поступали женщины, как партийные, так и беспартийные. Рабочие шли сюда только в том случае, если не было оружия, но, попадая на поле сражения, они при первой возможности добывали там себе оружие, оставляли отряд и становились в ряды бойцов. Женщины тоже, когда не было раненых, принимали участие в сражении: подносили бойцам патроны и т. д.

Рабочие рвались в бой. Один из очевидцев рассказывает такой случай: „Один седой старик вошел в автомобиль, который отправлялся на место боя, и говорит: „Я еду“. Ему говорят, что есть много молодых, которые должны в первую очередь ехать, а вам найдется работа и здесь, но он все-таки поехал. Ему потом перешибли колени под Кремлем“ [1]). Другой рабочий ни на минуту не хотел расстаться с винтовкой. Он говорил: „Как же, вдруг придут кадеты, а я без винтовки?“ И десять дней подряд он не оставлял винтовки.

Когда 27-го вечером, после предъявления Рябцевым ультиматума, в ревкоме была получена из центра телефонограмма о выступлении юнкеров, и потребовалось выслать 300 человек к Московскому комитету, ревком известил об этом фабрики и заводы, и на его зов явилось 500 человек.

---

[1]) Котов.—Сокольнические мастерские. Сборник „Октябрьские дни“, изд. „Московский рабочий“, 1922 г., стр. 142.

Сущевско-Мариинский район, район окраинный, в октябрьские дни был одним из самых спокойных. Здесь, за исключением Института инженеров путей сообщения, не было пунктов, которые бы внушали опасения, да и отсюда в самом начале было вывезено все оружие. Работа ревкома в этом районе сводилась главным образом к поддержанию революционного порядка.

Ревком был выбран 26 октября на заседании районного совета. „Невиданное до того зрелище представляло в этот день здание райсовета: у входа в этот полуразвалившийся сарай (Сущевско-Мариинский совет занимал полуразвалившийся старый особняк из трех комнат) стояли вооруженные винтовками и револьверами рабочие, требовавшие при входе в совет особых паролей и пропусков. К совету без конца прибывали рабочие, делегированные фабриками и заводами в распоряжение совета и его охраны. Эта была Красная гвардия". На заседании райсовета „представители фабрик и заводов и воинских частей докладывали собранию о неописуемом энтузиазме, которым охвачены все работницы, рабочие и солдаты. На целом ряде заводов и фабрик и почти во всех воинских частях успели до пленума совета пройти митинги, на которых единогласно выносились решения: всем с оружием в руках итти на улицу за власть советов" [1]).

В распоряжение военно-революционного комитета уже к утру 28 октября собрались воинские силы: отряд рабочих Военно-артиллерийского завода, отряд Двинской обмундировочной мастерской, завод Листа и др., конвойная команда, автомобильная рота. Рабочие прибывали группами, и каждого прибывшего с удостоверением фабрично-заводского комитета зачисляли в боевой десяток. Сейчас же после выборов революционного комитета совет перешел в помещение кинематографа „Олимпия". Здесь помещались революционный комитет, районный штаб Красной гвардии и перевязочный пункт; лежали ящики с патронами и винтовками, валялись отдельные винтовки и шашки, в зрительном зале и фойе стояли, сидели, лежали, ели, пили сотни рабочих и солдат. Сюда приходили гонцы, разведчики и товарищи, выполнявшие различные поручения. Разведывательная служба в районе была поставлена прекрасно благодаря тому, что рабочие знали свой район, знали, куда надо итти: так, рабочей разведкой была обнаружена белогвардейская квартира, был уничтожен ночью отряд бандитов, обнаружено оружие в Александровском институте путей сообщения и т. д. Связь с центром была слабая, но военно-революционному комитету

---

[1]) И. И. Ходоровский.—В Сущевско-Мариинском районе. Сборник „Октябрьское восстание в Москве", Госиздат, 1922 г., стр. 118.

удалось организовать выпуск листков бюллетеней, в которых он давал информацию о ходе событий в Москве.

Рядовая милиция была вся на стороне совета, а на места участковых комиссаров, из которых некоторые отказались подчиниться советской власти, были назначены рабочие-коммунисты.

Движение по улицам производилось беспрепятственно, задерживались только офицеры, у которых отбиралось оружие.

В Пресненском районе первые дни прошли спокойно; боевых действий не было. Настроение рабочих и остального населения было выжидательное. Передовой слой рабочих группировался вокруг военно-революционного комитета.

28-го положение начинает резко меняться. В районе начинают раздаваться выстрелы; открывается стрельба по Кудринской площади со стороны Смоленского рынка. Буржуазная часть населения связывается с юнкерами и белогвардейцами. Ревком, который находился в помещении партклуба в Б. Пресненском переулке, получает известие, что юнкера готовят на него нападение, и переходит сначала на фабрику Тильманса, а затем на Прохоровскую кухню. Рабочие выходят из своего выжидательного настроения, группируются вокруг Прохоровской фабрики, вооружаются, организуют отряды. Оружие доставляется частью из центра, частью путем разоружения офицеров и районной милиции. Рабочие отряды занимают 1-й и 2 й комиссариаты милиции.

К вечеру 29-го весь район был в руках военно-революционного комитета. Образовался штаб. По всему району были поставлены посты. В виду того, что боевые действия развивались главным образом в районе Б. Никитской и Поварской, ревком со своим штабом перешел на Кудринскую улицу, во 2-ой Пресненский комиссариат, так как оттуда было удобнее руководить военными операциями. 30 октября утром с Ходынки было привезено три орудия, из которых два были поставлены у Зоологического сада и одно на Нижней Пресне. В этот же день был обследован весь район, все колокольни, все подозрительные дома. В Конюшковском переулке и у Горбатого моста были построены баррикады. Отрядом красногвардейцев был захвачен целый обоз из 34 подвод с консервами, который направлялся в штаб белых. Этим было обеспечено продовольствие бойцов.

31-го юнкера повели наступление со стороны Поварской и Б. Никитской. Революционные войска ответили артиллерийским огнем. Юнкера держались крепко. Они заняли особняки на Поварской и Б. Никитской, втащили пулеметы на колокольни церквей и начали оттуда стрельбу. „С их наступлением ожили верхние этажи и чердаки домов Никитской, Поварской, Садовой и Новинского бульвара, с которых то

и дело стали раздаваться выстрелы в наши передовые отряды, расположенные по Кудринской площади".

Юнкера пытались продвинуться дальше, одно время доходили даже до Кудринской площади, но в ночь на 1-е ревкомом были получены из центра пулеметы, все силы были стянуты к Кудринской площади, и революционные отряды перешли в наступление: в действие было пущено до 200 человек, работали два орудия (третье разорвалось накануне). Бои по Никитской улице продолжались до 4 часов дня 1 ноября. Весь этот район был захвачен пулеметной и оружейной стрельбой. К вечеру революционные войска подошли к Никитским воротам, где вступили в бой с белогвардейцами.

В Пресненском же районе, на Ходынке, находилась 1-я запасная артиллерийская бригада, силы которой сыграли такую большую роль в центральных боях.

На территории Петровского и Бутырского районов неприятельские части не показывались. Значительными боевыми силами сами районы не располагали. Главная работа этих районов во время октябрьских дней, кроме помощи центру, состояла в поддержании революционного порядка на своей территории, охране своего населения и ограждении подступов к Москве.

Кроме этих территориальных районов, в Москве существовал еще Железнодорожный район, который об'единял все железнодорожные организации. Железнодорожный районный совет в октябрьские дни также выбрал свой ревком, в который вошли представители райсовета, райкома и правления союза железнодорожников. На отдельных железных дорогах были созданы свои ревкомы.

Железнодорожники, а в особенности рабочие и мастеровые, сплотились в октябрьские дни вокруг железнодорожного ревкома и боролись под его руководством вместе с рабочими московских фабрик и заводов. На всех вокзалах были организованы отряды Красной гвардии из железнодорожников. Эти отряды не только принимали участие в боях, которые происходили в районах расположения вокзала, но и направлялись в центр на помощь Московскому совету. Они охраняли также революционный порядок на железных дорогах: разоружали офицеров, юнкеров, казаков, прибывавших на вокзал, не допускали к высадке части, политическая физиономия которой не была выяснена, не принимали поезда с враждебными войсками, защищали вокзалы от нападения юнкеров и т. п.

Так, красногвардейцы Александровского вокзала отбили своими силами нападение белогвардейских частей на вокзал. На этой же линии было задержано 17 эшелонов драгун,

казаков и гусар, которые шли на Москву, для чего был разобран под Гжатском путь.

На Северной дороге были также задержаны эшелоны войск, шедшие на помощь Рябцеву, были перехвачены его телеграммы с просьбой о подкреплении. Через эту же дорогу все время поддерживалась телеграфная связь Московского совета с Петроградом. Подкрепление Московскому совету из Мытищ, Перловки и Александрова прибыло по этой же дороге.

На Брянской, Курской и Павелецкой железных дорогах движение войск, враждебных Военно-революционному комитету, было остановлено.

На Казанской железной дороге красногвардейцы-железнодорожники нашли вагоны с винтовками, которыми были снабжены все районы в самые критические дни московского восстания; они также перевозили с Симоновских пороховых складов патроны.

Ревком железнодорожного узла помещался в царском павильоне на Николаевском вокзале (теперь Октябрьский). Тут же помещалось и московское отделение Викжеля, который по существу поддерживал Комитет общественной безопасности.

Кругом Москвы кружились различные войсковые части, враждебные совету. Получая сообщения с мест о приближении этих частей, члены ревкома шли в Викжель, заставляли его заправил проверять сейчас же эти сообщения по телефону (союз телеграфистов был в руках Викжеля) и тут же отдавать приказание: „Крутить эти части подальше от Москвы“. В случае пропуска Викжелем войск, враждебных совету, решено было сейчас же арестовать Викжель и занять его место.

При помощи железнодорожного ревкома была установлена телефонно-телеграфная связь Военно-революционного комитета с Петроградом и другими городами: ревком был связан служебными телефонами со всеми вокзалами, а московские вокзалы были связаны телефоном и телеграфом со своими дорогами. Таким образом, ревком знал точно, что происходит на всех дорогах, и информировал обо всем боевые органы Москвы.

„Пролетарская часть железнодорожников целиком и полупролетарские элементы железнодорожников в значительной своей части шли в Москве нога в ногу со всем пролетариатом в борьбе с белогвардейцами за установление советской власти и пролетарской диктатуры“ [1]).

---

[1]) Осип Пятницкий.—Железнодорожный район московской организации большевиков. Сборник „От Февраля к Октябрю“, изд. „Новая Москва“, 1923 г., стр. 118.

На помощь московскому пролетариату из всех рабочих районов Московской области прибывают рабочие дружины: 30 октября приезжают и приходят в Москву дружины из Серпухова, Мытищ, Павловской Слободы, Щелкова, Тулы и из других мест.

Под натиском районов кольцо, окружающее юнкеров, сжимается все больше и больше, а вместе с тем улучшается стратегическое положение и в центре. Районы, покончив с юнкерами у себя, посылают свои отряды на помощь центру и ведут энергичное наступление на Кремль. Попытки юнкеров прорваться из Китай-города через Варварские ворота к Воспитательному дому терпят неудачу. Отбито также их наступление у Каменного моста. От Крымского моста революционными войсками ведется наступление по Остоженке и Пречистенке по направлению к Арбату. Зубовская площадь уже в их руках. Но теснимые отовсюду юнкера и офицеры развивают бешеное сопротивление. Во многих местах они начинают теснить революционные войска и по временам близко подходят к совету. Но инициатива быстро уходит из их рук, и все их попытки оказываются безрезультатными.

V. ПОБЕДА

Взятие Кремля

После того как Военно-революционный комитет, при помощи районов, остановил дальнейшее продвижение юнкеров на периферию и, окружив их кольцом, снова оттеснил их к центру (район Театральной площади, Кремля, Воздвиженки и Знаменки), он быстрым и решительным ударом выбивает их из последних опорных пунктов.

Наши отряды вытесняют белых из переулков Тверской и параллельных ей улиц, выходящих к центру. Чтобы понять все те трудности, которые приходилось преодолевать революционным отрядам при продвижении их по этим переулкам к центру, надо прочесть отрывочные донесения начальника разведки тов. Максимова К. Г., сохранившиеся в архиве Военно-революционного комитета. Медленно продвигаясь от ворот к воротам, от угла к углу, оттесняли они неприятеля, оказывавшего бешеное сопротивление. Под непрерывным огнем пулеметов, поставленных на Лоскутной гостинице и на „Национале“, один из таких отрядов пробивается до Охотного ряда и начинает обстрел „Националя“, одного из опорных пунктов юнкеров. Одновременно с этим Военно-революционный комитет дает приказ тов. Давыдовскому, начальнику батареи, стоявшей на Советской, бывшей Скобелевской, площади, немедленно открыть огонь по гостинице „Националь“. Обстрел был вначале не совсем удачен: одним из снарядов были ранены свои же солдаты, но, несмотря на это, солдаты требовали продолжения орудийного огня, и обстрел продолжался, пока не замолчали пулеметы „Националя“.

В ночь с 31 на 1 ноября по приказу Военно-революционного комитета начинается обстрел гостиницы „Метрополь“ и городской думы, так как взятие этих двух опорных пунктов белых обеспечивало бы соединение северной дуги кольца, окружавшего белых, с южной—с замоскворецкими отрядами, приближавшимися уже к Кремлю.

„Часам к 12 ночи,—пишет тов. Давыдовский,—я получил приказ об установлении артиллерии у Большого театра, имея целью обстрелять с рассветом „Метрополь“ и городскую думу. На площади уже ждал прибывший с Ходынки взвод артиллерии. Была темная ночь. Моросил мелкий, насквозь пронизывающий дождь. Борьба в городе стихла. Лишь кое-где перекликались одиночные выстрелы. Пехотное прикрытие, которое нам было дано, что-то задерживалось. Наконец, пришел тов. Чикколини с своей пехотой, организовал охранение, и мы тронулись по Козьмодемьяновскому переулку. На спуске лошади начали скользить по мокрому, гладкому камню, многие падали. Приходилось останавливать всю колонну, перепрягать лошадей. Кое-как мы спустились к Б. Дмитровке и пошли к Охотному ряду, потом свернули по Салтыковскому переулку и пошли по Петровке. Когда мы стали подходить к Большому театру, несмотря на все осторожности, принятые нами, юнкера нас обнаружили и начали обстреливать. Мы укрылись за Большой театр и отправились выбирать позиции.

Для более удобного обстрела мы решили расположиться по-орудийно. Одно—справа Большого театра, в тупике у дома № 5. Это орудие должно было вести огонь по городской думе, и второе—во 2-м Спасском переулке у второй пожарной лестницы театра Зимина. Это орудие должно было обстрелять „Метрополь“. С рассветом мы открыли огонь из обоих орудий. Вскоре юнкера пришли в себя и начали нас обстреливать. Сначала они обрушились целым градом пуль, но мы еще больше усилили наш обстрел. Некоторые неудобства мы испытывали при подноске к орудиям снарядов. Подносчикам надо было проскочить на расстоянии 10 шагов под обстрелом противника. Эти скачки сделались своего рода спортом для подносчиков. Схватит парень лоток со снарядами и, пользуясь моментом, скачет к орудиям, а по нем юнкера стреляют залпом. Но уже поздно, парень проскочил...

Действие от трехдюймовых пушек по „Метрополю“ было недостаточным. Юнкера отсиживались за толстыми стенами, переходя из этажа в этаж.

К утру 2 ноября было решено взять „Метрополь“. С этой целью к Малому театру была подтянута пехота. На „Метрополь“ было направлено два орудия (одно освободившееся от Городской думы, которая в это время была занята нами), были подвезены снаряды, и началась ожесточенная канонада. „Метрополь“ весь стоял окутанный дымом и пылью от разрывающихся снарядов. Снаряды то и дело, ударяясь о стену гостиницы, рвались с неимоверным треском. Со стен на тротуар летели кирпич, железо, стекло. Зато юнкера и наших не миловали. Наводчики часто менялись. Раны у всех были смертельные...“

После трехчасового обстрела утром 2 ноября „Метрополь“ был взят. Городская дума была оставлена белыми раньше— в 3 часа утра Комитет общественной безопасности и его штаб укрылись в Кремль. В 1 час 25 минут дня 2 ноября революционные войска заняли городскую думу, Исторический музей и через Иверские ворота вышли на Красную площадь.

К Красной площади продвигались наши отряды и по Никольской улице, где стояли легкие пушки, которые под огнем противника стреляли по Кремлю и Никольским воротам. Юнкера поставили пулеметы на двух церквах и обстреливали наши части. Красногвардейцы обстреливали Кремль из Верхних торговых рядов. Вход Никольских ворот юнкера заложили ящиками с винтовками, и лишь при помощи 48-линейной гаубицы удалось пробить проход в воротах.

Тяжелые бои шли в это время и в районе Тверского бульвара и у Никитских ворот. Революционные войска заняли дом в конце Тверского бульвара. Юнкера засели в соседних домах и стреляли оттуда из пулеметов; с Арбатской площади они стреляли из орудия. Положение солдат было поистине ужасно; измученные, усталые от бессонных ночей, без достаточной пищи, они отсиживались за каменными стенами, устроив в окнах бойницы. Через их головы пролетали снаряды как вражеской, так и своей артиллерии, которая старалась выбить юнкеров. Один из неприятельских снарядов поджег их дом. Они переходят в другой дом. Рядом горят здания. „Огненная стихия, не сдерживаемая пожарными командами, которые не могли тушить пожар после обстрела, яростно бушевала, разрушая все на пути. Звонко лопались зеркальные стекла в окнах, таяла и лилась, как масло, цинковая крыша, разноцветными огнями вспыхивали горевшие электрические провода, рушились расплавившиеся водопроводные трубы, выпуская воду фонтанами“.

И в этом аду сражались люди. Наконец, артиллерии, стрелявшей от Страстной площади, удалось выбить юнкеров и заставить замолчать их пулеметы, а пожарная дружина спасла героическими усилиями из горевшего дома отряд.

Юнкера отступали со всех позиций и стягивали свои силы в Кремль и Александровское училище. Наступая от думы и „Метрополя“ на Кремль, войска заняли старое здание университета. Юнкера, офицеры и контр-революционное студенчество засели в новом здании и в манеже и оттуда отстреливались. На Моховой, у Никольских ворот и около Троицких ворот юнкера укрепились за окопами. С Пречистенки белые выбиты к Волхонке и отступают к Кремлю. Белые окружены, исход восстания ясен. В рядах белых начинается разложение, относительно которого в архивах Военно-революционного комитета имеются лишь крайне скуд-

ные сведения. Сохранились донесения: „1-я школа юнкеров арестована юнкерами, потому что не хотела итти против советов; в 6-ой школе брожение. Вчера посылали все юнкера делегацию к городскому голове, что, если не дадут подкрепления, они все готовы к сдаче Революционному комитету". Дать полностью картину разложения белых,—задача будущих исследователей.

1-го в ночь решено было начать обстрел Кремля из орудий. Артиллерийскому отряду на Воробьевых горах дан приказ „прекратить огонь по Никитским воротам и перенести его на Кремль". Обстрел ведется также с Пресни и из Лефортова. Легкие орудия бьют с Красной площади по Никольским воротам. В Боровицкие ворота солдаты бросают бомбы и стреляют из винтовок и пулеметов. На углу Волхонки и Ленивки стоят легкие орудия.

Все усилия направлены на Кремль. Юнкера вначале пытаются отстреливаться, но артиллерийский обстрел заставляет их смолкнуть. Комитет общественной безопасности обращается к Военно-революционному комитету с предложением начать мирные переговоры. 2 ноября юнкера вместе с Рябцевым уходят из Кремля в Александровское училище. На другой день рано утром в Кремль входят красные войска.

Белые сдаются

Еще 31 октября была сделана попытка со стороны „нейтральных" организаций добиться прекращения военных действий. На этот раз роль меньшевиков выполняли „об'единенцы".

В 4 часа дня в Военно-революционный комитет явился тов. Литкенс, в то время об'единенец, и предложил Военно-революционному комитету вступить в переговоры с представителями губернского совета крестьянских депутатов. Через два часа явились и эти представители и предложили следующие условия:

1) прекращение военных действий;

2) немедленная организация однородного революционного министерства;

3) восстановление советов и предоставление им свободы работы;

4) приступить к усиленной подготовке к выборам в Учредительное собрание;

5) войска должны быть разведены. Штаб приступает к этой работе при посредстве и контроле совета солдатских депутатов;

6) восстанавливается работа думы.

Эта попытка, конечно, окончилась ничем. Тем не менее, через сутки „нейтральные“ партии снова делают попытки остановить решительное наступление Военно-революционного комитета.

В ночь на 2-е в Военно-революционном комитете появляются об'единенцы Волгин и Станислав Вольский, меньшевик Романов и другие—делегация от партий, „составивших блок в целях прекращения вооруженной борьбы“ [1]).

Станислав Вольский, только что вернувшийся из Петрограда, информирует о положении там, представляя это положение так, что, с одной стороны, состоялось соглашение между всеми социалистическими группами, кроме левых большевиков, и что, с другой,—в Петрограде полная анархия, готовится нападение со стороны германцев и т. д. Он пытается таким путем заставить Военно-революционный комитет пойти на большие уступки и немедленно заключить перемирие.

Представители Военно-революционного комитета заявляют, что о перемирии не может быть и речи. Вопрос может итти только о мире и об условиях этого мира. Делегация отказывается от своего предложения о перемирии и переходит к обсуждению второго условия: разоружения сторон. Военно-революционный комитет противопоставляет этому сдачу оружия юнкерами. Об'единенцы стараются смягчить это требование. Вольский указывает, что нужно оставить юнкерам маленькую возможность не думать о капитуляции, иначе они будут вынуждены „биться до последнего человека; если вы никаких шагов не сделаете, то вы ответственность берете на себя“. Меньшевик Романов заявляет: „Не в интересах социалистов, чтобы у юнкеров было оружие... Я не хочу итти им навстречу, но неизвестно, чем все кончится, и, быть может, мы все на этом потеряем, и кровь дальнейшая бессмысленна...“ Волгин предлагает полное разоружение юнкеров на первое время с тем, чтобы потом возвратить его им обратно. Военно-революционный комитет решительно отвергает предложения делегации.

---

[1]) „В блок, по принципу, входили только партии и организации, не примыкающие в происходящей борьбе ни к той, ни к другой стороне. Насколько помню, блок составился из левых с.-р. (представители—Черепанов и Зитта, иногда Магеровский), меньшевиков (Кибрик, Романов и др.), бундовцев, Поалей-Цион, об'единенцев (Волгин и я), Викжеля и областного комитета советов; после к нам пытались примкнуть представители старого Московского совета солдатских депутатов...“ „Характерно, что при каждой посылке делегатов в совет ходили или мы или левые с.-р., в думу же путешествовали меньшевики и другие, более правые члены блока; предполагалось, что враждебные стороны будут охотнее прислушиваться к голосу более близких к ним партий“. (К у з о в к о в.—Как мы их мирили. Сборник „Октябрьское восстание в Москве“.)

Переходят к третьему пункту: организации новой власти. Военно-революционный комитет ставит вопрос прямо и открыто: вся власть советам. Орган, выбранный советом, может кооптировать в свой состав представителей и других организаций и партий. До пленарного заседания совета временным органом власти остается Военно-революционный комитет, в который кооптируются представители от других фракций, причем большинство в нем должно принадлежать большевикам.

До принятия этих условий Военно-революционный комитет отказался от всяких дальнейших переговоров.

2 ноября в 7 часов утра, Военно-революционным комитетом было получено письмо от Комитета общественной безопасности следующего содержания: „Артиллерийский обстрел Кремля и всей Москвы не наносит никакого вреда войскам, а разрушает лишь памятники и святыни и приводит к избиению мирных жителей. Уже возникают пожары и начинается голод. Поэтому в интересах населения Москвы Комитет общественной безопасности ставит Военно-революционному комитету вопрос: на каких конкретных условиях Военно-революционный комитет считает возможным немедленно прекратить военные действия? С своей стороны, Комитет общественной безопасности заявляет, что при данных условиях он считает необходимым ликвидировать вооруженную борьбу против политической системы, осуществляемой Военно-революционным комитетом, перейдя к методам борьбы политической и предоставляя будущему разрешение в общегосударственном масштабе вопроса о конструкции власти в центре и на местах".

В ответ на это письмо Военно-революционный комитет выставил следующие требования:

Комитет общественной безопасности прекращает свое существование; юнкера и белая гвардия разоружаются.

Вопрос о конструкции новой власти, служивший главной темой во всех предшествующих переговорах, разрешался очень просто: Комитет общественной безопасности ликвидируется, а вся власть остается в руках того органа, которому она принадлежит теперь фактически, т.-е. Военно-революционного комитета.

Военные действия были приостановлены до $10^1/_2$ часов утра. Военно-революционным комитетом был разослан специальный приказ всем артиллерийским отрядам:

„В виду того, что сейчас происходят переговоры о сдаче Комитета общественной безопасности Военно-революционному комитету, который устанавливает власть советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и разоружает белую гвардию и юнкеров, штаб Военно-революционного

комитета приказывает немедленно прекратить всякую артиллерийскую стрельбу впредь до особого распоряжения, оставляя в силе все остальные способы военной борьбы". Позднее по просьбе Комитета общественной безопасности срок этот был продлен до двух часов дня. В тот же день в совет приходили новые „примиренцы": митрополит Платон, который предлагал Военно-революционному комитету свое посредничество, и делегация от церковного собора с генералом Артамоновым во главе, которая призывала „во имя божие" „воздержаться от дальнейшей ужасной кровопролитной брани", умоляла „победителей не допускать никаких актов мести... и во имя спасения Кремля и дорогих нам всем в нем святынь".

В то же время шли переговоры. Устанавливались условия сдачи белых. От Военно-революционного комитета их вели Смидович и Смирнов, от Комитета общественной безопасности—Руднев, Якулов, помощник Рябцева, Студенецкий и Сорокин и, как всегда, в качестве посредников, представители так называемых нейтральных партий,—об'единенцы, левые эсеры, меньшевики. Вот как описывает один из этих посредников это заседание:

„Большой зал губернской управы. Смидович и В. М. Смирнов—с одной стороны, Руднев, Якулов и другие—с другой; представители сторон тонут в массе представителей нашего блока; от каждой из нейтральных партий присутствуют по 2-3 представителя; партии, которые только числятся на бумаге, имеют по 3 представителя.

— Как же, исторический момент!

— Договор будет историческим документом, и каждому хочется, чтобы на нем стояло его имя,—наивно сознаются некоторые представители.

Руднев бледен и почти все время молчит. Как ни странно, но переговоры с этой стороны ведет не Руднев, а исключительно Якулов, который представляет собой вооруженные силы. Смидович и Смирнов бледны, видно, что давно не спали, но их голоса звучат твердо. Стороны коротко излагают условия. Якулов пытается торговаться, говорит о разрешении юнкерам выйти, сохраняя оружие, но видно, что он согласится на все; чувствуется, что он согласился бы и на худшее, и только старается не показать этого в присутствии собрания, и для сохранения приличия делает возражения, вызывающие ответы противника и затягивающие переговоры. Как раз к этому времени канонада в центре города достигает невиданного напряжения. Временами ветер распахивает огромную форточку окна, и в зале отчетливо слышится непрерывный гул орудий и какая-то бешеная оружейная трескотня и непрерывающийся стук пулеметов.

В такие моменты Якулов особенно нервничает, скомкивает фразы, замалчивает возражения противника и как-то судорожно хочет скорей покончить дело; очевидно, он боится, как бы дело не кончилось для его стороны прямой катастрофой" [1]).

Военно-революционный комитет, с своей стороны, также торопил закончить переговоры. В архивах Военно-революционного комитета имеется записка Ломова к Смидовичу, в которой он спрашивает его: „Отвечайте немедленно: почему затягиваются переговоры. Ответ необходим сейчас же для начатия активных действий. Уже четыре часа".

В 5 часов был подписан следующий мирный договор.

„1) Комитет общественной безопасности прекращает свое существование.

2) Белая гвардия возвращает оружие и расформировывается. Офицеры остаются при присвоенном их званию оружии. В юнкерских училищах сохраняется лишь то оружие, которое необходимо для обучения. Все остальное оружие юнкерами возвращается. Военно-революционный комитет гарантирует всем свободу и неприкосновенность личности.

3) Для разрешения вопроса о способах осуществления разоружения, о коем говорится в п. 2, организуется комиссия из представителей Военно-революционного комитета, представителей командного состава и представителей организаций, принимавших участие в посредничестве.

4) С момента подписания мирного договора обе стороны немедленно отдают приказ о прекращении всякой стрельбы и всяких военных действий, с принятием решительных мер к неуклонному исполнению этого приказа на местах.

5) По подписании этого соглашения все пленные обеих сторон немедленно освобождаются".

Обеим сторонам был немедленно дан приказ о прекращении военных действий. Военно-революционный комитет в своем приказе об'являет:

„Революционные войска победили. Юнкера и белая гвардия сдают оружие. Комитет общественной безопасности распускается. Все силы буржуазии разбиты на-голову и сдаются, приняв наши требования. Вся власть в руках Военно-революционного комитета. Московские рабочие и солдаты дорогой ценой завоевали всю власть в Москве. Все на охрану завоеваний новой рабочей, солдатской и крестьянской революции! Враг сдался. Военно-революционный комитет приказывает прекратить всякие военные действия (оружейный,

---

[1]) Кузовков.—Как мы их мирили. Сборник „Октябрьское восстание в Москве", Госиздат, 1922 г., стр. 98—99.

пулеметный и орудийный огонь). С прекращением военных действий войска советов остаются на своих местах до сдачи оружия юнкерами и белой гвардией. Войскам не расходиться до особого приказа Военно-революционного комитета.

Борьба в Москве окончена.

Военно-революционный комитет приказывает всем московским рабочим и солдатам в полной боевой готовности твердо стоять на славном посту".

VI. НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Восстановление хозяйственной жизни

На другой день после победы необходимо было, прежде всего, восстановить хозяйственную жизнь города. Во время восстания фабрики и заводы не работали, торговля остановилась. Военные действия внесли разрушения в некоторые общественные предприятия, особенно сильно пострадала трамвайная сеть: трамвайные мачты были разбиты, трамвайные пути перерыты окопами. Здания от артиллерийской стрельбы пострадали незначительно. В „Известиях Военно-революционного комитета" от 4 ноября мы находим картину Москвы после битвы в полдень 3 ноября:

„Стрельба еще продолжается местами: упрямые одиночки не хотят примириться со своей неудачей и ведут уличную борьбу уже за свой личный страх и риск. Но в общем Москва переходит постепенно на мирное положение. Можно подвести примерные итоги внешним результатам боя—разрушениям, произведенным военными действиями обеих сторон.

Что касается зданий, то, к счастью, они поплатились главным образом стеклами. Стекол перебито в городе бесчисленное множество на большей части центральных улиц.

...Кремль в целом, как исторический памятник, сохранился: ни одно здание, имеющее археологическую ценность, не разрушено до основания или хотя бы частью. Из кремлевских башен более всего пострадали Никольские ворота, но и они стоят и могут быть реставрированы (исправлены), на первый взгляд, без большого труда. Спасские ворота пострадали уже менее (разворочены часы).

Внутри Кремля масса пробоин на Николаевском дворце, где была главная квартира восставших юнкеров и который служил определенной мишенью советской артиллерии...

Вне Кремля ни одно здание, имеющее какую-либо художественную ценность, не разрушено. На Румянцевском музее, новом университете с его библиотекой не заметно повреждений.

Рядом с библиотекой перелетевший через Кремль снаряд пробил стену б. гостиницы „Петергоф“. В старом университете разбит—тоже, очевидно, шальным снарядом—тот угол, где часы. Городская дума в общем цела. Вообще, ничего подобного декабрю 1905 г., когда были сметены с лица земли целые кварталы (Пресня), на этот раз не было, хотя сопротивление, встреченное наступающими, было на этот раз несравненно упорнее и технически совершеннее“.

Нужно было многое немедленно исправить, чтобы обеспечить строительство новой жизни, и прежде всего восстановить работу общественных предприятий (трамвай, водопровод и др.). Между тем, городские рабочие и служащие больше месяца не получали жалованья (у эсеровской городской управы касса была пуста), и для уплаты им жалованья надо было достать 8—10 млн. рублей. Инвалиды и солдатки требовали выдачи своих „пайков“-пособий. Продовольственное положение вследствие остановки транспорта было критическим.

В таких тяжелых условиях пришлось Военно-революционному комитету начинать строить новую жизнь, и в этом деле рабочие массы поддержали свою власть. Уже 3 ноября, когда только что смолк грохот орудий, Военно-революционный комитет на своем вечернем заседании (в $7^1/_2$ часов вечера) обсуждает вопрос об организации производства и поручает экономическому отделу 5 ноября представить план работ.

В тот же день Московский совет профессиональных союзов собирается совместно с Военно-революционным комитетом и обращается ко всем рабочим и работницам города Москвы с призывом встать на работу.

„В борьбе за мир и свободу вы бросили все свои силы на помощь революционным солдатам, по призыву Военно-революционного комитета вы, как один человек, прекратили работу, остановили фабрики и заводы, об'явив боевую стачку.

Теперь враг в Москве разбит, и он пытается подтянуть новые силы. Мы должны дать в нужное время отпор, быть наготове. А сейчас необходимо со всей энергией налаживать производство, переходящее под рабочий контроль. Нужно удвоить и утроить свою работу по организации производства, починяя развалившуюся по милости капитала промышленность и восстанавливая разрушенный транспорт. Военно-революционный комитет вместе с Центральным бюро профессиональных союзов призывает вас поэтому, товарищи, встать на работу, об'явив боевую стачку оконченной“.

Одновременно с этим воззванием Военно-революционный комитет и Московский совет профессиональных союзов в опубликованном ими 4 ноября приказе ко всем рабочим, ра-

ботницам и служащим устанавливают порядок приступа к работам:

„Рабочие приступают к работам с утра 4 ноября, если это возможно по техническим условиям производства.

Не приступают к работам впредь до особого распоряжения Военно-революционного комитета:

а) рабочие, члены Красной гвардии, остающиеся все на своих постах в распоряжении Военно-революционного комитета,

б) рабочие типографий, печатающих органы буржуазной печати".

Там, где восстановление требовалось немедленно, рабочие, не ожидая призыва своих центральных органов, взялись за работу. Еще раздавались в городе отдельные выстрелы, а рабочие трамвая, под руководством правления союза городских рабочих, без помощи своих инженеров, которые первыми начали саботаж служащих, исправляли пути, прокладывали провода и, к изумлению буржуазной Москвы, на другой день возобновили трамвайное движение.

5 ноября происходило заседание совета профессиональных союзов с правлениями. Присутствовало 196 человек, представлено было 47 профессиональных союзов. Обсуждались уже очередные вопросы текущей работы, как-то: о реорганизации Московского совета профессиональных союзов, о минимуме заработной платы, о помещении для союзов, о свободе стачек, печати и слова.

По последнему вопросу была вынесена следующая резолюция:

„Пока у власти стоит правительство пролетариата и беднейших слоев народа, политическая стачка является саботажем, против которого следует бороться самым решительным образом. Замена отказывающихся работать не является штрейкбрехерством, а борьбой с саботажем и контрреволюцией. Что касается свободы печати, то, рассматривая печать как оружие борьбы, необходимо, пока не наступит известное успокоение, не возвращать буржуазии это оружие".

Управление городским хозяйством возлагается временно на „Совет комиссаров", а затем на совет районных дум, орган, состоявший исключительно из большевиков—членов районных дум и членов правления профессионального союза городских рабочих. Городская дума и управа ликвидируются. На места забастовавших служащих встали рабочие и обеспечили с первых дней правильную работу городских предприятий. 8 ноября происходит общее собрание районных дум для избрания представителей в совет районных дум.

Принимаются меры к восстановлению порядка в городе и для охраны жителей. „Комиссар по гражданской части

города Москвы тов. Рогов приказом от 4 ноября обязывает предпринимателей открывать и закрывать магазины, банки, конторы и проч. с 4 сего ноября в обычное время"; обязывает „владельцев домов, магазинов, контор и проч. не позже 7 часов вечера 4 ноября вставить стекла в окнах взамен разбитых или разбитые стекла заколотить досками наглухо".

Эта мера вызвана была тем, что громилы и жулье стремились еще во время восстания использовать положение для грабежей и воровства. Для борьбы с этим злом усиливается охрана улиц и „воспрещается хождение по улицам после 8 часов вечера без особых пропусков, выдаваемых Центральным и районными военно-революционными комитетами".

В Рублеве на водопроводной станции расстраивается работа, возникает опасность приостановки водопровода. Военно-революционный комитет делегирует туда своего представителя.

Еще более заботы и внимания с его стороны требует продовольствие населения. Во время военных действий продовольствие районов лежало целиком на районных управах; несмотря на все трудности, оно было ими хорошо организовано. Городской продовольственный комитет заявил, что он остается нейтральной организацией, вроде Красного креста, т.-е. будет предоставлять продовольствие обеим сторонам. Но так как продовольственный комитет находился в здании против городской думы, в районе белых, то Московский и районные советы, будучи от него отрезанными, никакой помощи от него не получали. Военно-революционный комитет 5-го поручает продовольственному комитету представить к 7 ноября доклад по борьбе с спекуляцией. Меньшевики и эсеры стараются сорвать организацию продовольствия: в их газетах „Вперед" и „Труд" появляется сообщение продовольственного комитета об уменьшении хлебного пайка на $^1/_4$ фунта в связи с захватом власти большевиками, загрузившими Московский железнодорожный узел. Военно-революционный комитет 6 ноября назначает расследование этого дела. 7 ноября должность комиссара по продовольствию упраздняется, в продовольственную управу делегируются представитель Военно-революционного комитета и два представителя от совета районных дум. Продовольственной управе предоставляется право реквизиции.

Необходимо было на другой же день после победы внести порядок в воинские части, оставшиеся без командного состава, часть которого в дни восстания или была на стороне белых, или держала нейтралитет. Военно-революционный комитет обращается к войскам Московского округа с при-

казом немедленно приступить к избранию ротных, батальонных, полковых и других командиров.

С целью устранения разрыва между солдатской массой и советом солдатских депутатов, руководители которого в дни восстания находились в штабе белых, на другой же день как прекратились военные действия было приступлено к перевыборам совета солдатских депутатов. 5 ноября созывается собрание представителей московского гарнизона, которое принимает следующую резолюцию:

„Подтвердить постановление от 28 октября, что совет солдатских депутатов старого состава с его исполнительным комитетом и президиумом считается упраздненным.

Выборы нового совета начать с 6 ноября и производить в течение трех дней.

Те части, которые не успеют переизбрать делегатов в этот срок, должны об этом заявить в мандатный отдел.

Впредь до выбора совета нового состава все полномочия гарнизона принадлежат „Совету десяти" полковых, ротных и бригадных комитетов. Все имущество совета—книжный магазин, типография, театр, цейхгауз—должно находиться в распоряжении „Десяти".

Организация советской власти

Одновременно с восстановлением хозяйственной жизни и порядка в городе перед новой рабочей властью стала задача организации управления городом на новых, советских началах и определения своего отношения к вопросу о конструкции центральной власти в стране после победы петроградского и московского пролетариата.

Московский комитет партии дает директиву об организации руководящего московского органа новой власти. На об'единенном заседании Московского комитета, областного бюро и окружного комитета 4 или 5 ноября (на протоколе нет даты) обсуждается вопрос о „конструкции власти" и принимается следующее решение:

„Вся власть советам. 2) Власть организуется на определенной платформе. 3) Власть (т.-е. Военно-революционный комитет) дополняется представителями губернского совета рабочих, солдатских и красноармейских депутатов, социалистической части земских и городских самоуправлений (т.-е. представителями губернского земства и совета районных дум), профессиональных союзов. 4) Нашей партии должно быть обеспечено большинство. 5) Платформа—декреты Временного правительства (декреты Совнаркома: а) о мире, б) о земле, в) о рабочем контроле)".

Военно-революционный комитет, повидимому, 5-го (даты в протоколе нет) принимает аналогичное постановление.

Раньше чем поставить обсуждение этого вопроса на исполкоме и в пленуме совета, было выяснено отношение других партий.

5 ноября состоялось совещание с левыми эсерами и об'единенцами. Представители левых эсеров (тт. Зитта и Магеровский) согласны были с тем, что „орган власти должен быть безусловно советский, причем президиум должен быть руководящим органом всей жизни Москвы". Представители об'единенцев (тов. Волгин и тов. Кузовков), не соглашаясь с предложением левых эсеров о полномочиях президиума, считали, что „принцип построения власти на местах должен зависеть от построения власти в центре", где "Центральный исполнительный комитет должен быть расширен для координации всех революционно-демократических сил". Вопрос о своем вхождении они ставят в зависимость „от возможности вхождения в орган власти меньшевиков и правых эсеров" [1]).

5 ноября большевистской фракцией исполкома принимается следующее постановление о конструкции местной власти.

Образуется советский орган власти для города.

Орган составляется из советских фракций на основе определенной платформы.

Для связи в орган входят с правом решающего голоса представители губернского совета крестьянских депутатов в равном числе (т.-е. от рабочих и крестьян).

6 ноября Военно-революционным комитетом было созвано совещание представителей всех социалистических партий, т.-е. включая и меньшевиков и правых эсеров. Меньшевики, правые эсеры и об'единенцы огласили свои декларации протеста против действий Военно-революционного комитета, после чего правые эсеры ушли с собрания, а меньшевики, поддержанные бундовцами и об'единенцами, отстаивали необходимость создания единого „демократическо-революционного" фронта.

На пленуме совета 14 ноября было утверждено слияние обоих советов (рабочих и солдатских депутатов) и избран президиум совета, в который вошли 11 большевиков и 3 левых эсера.

Меньшевики в выборах не участвовали и от вхождения в президиум отказались, заявив, что орган власти должен быть создан по соглашению всех социалистических партий, до народных социалистов включительно. Мотивируя тем же, об'единенцы сняли свою кандидатуру в президиум.

---

[1]) Из протокола межпартийного совещания от 25 октября. Материалы Центроархива.

В исполнительный комитет вошли 100 большевиков, 12 меньшевиков, 9 левых эсеров и 3 об'единенца.

12 ноября были распущены ревкомы в районах, и на место боевых органов восстания были избраны советами постоянные органы управления—президиумы советов.

Московский совет рабочих и солдатских депутатов вместе с районными советами приступил к трудной и ответственной работе: социалистическому строительству новой жизни.

Издательство МК ВКП (б) и Моссовета

„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“

ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПОПОВА, Е., сост.—Московская провинция в семнадцатом году. Сборник (Московский Истпарт). Стр. 188, ц. 1 р. 80 к.

Содержание От Истпарта. Полидоров.—Воспоминания о работе в „окружке“ в 1917 году. И. Бугров.—1917 год в Орехово-Зуевском районе. С. Морозкин.—Саботаж и локаут на Ликинской мануфактуре. Б. Азарх.—Первая национализированная фабрика. Т. Сапронов.—Канун и начало Февральской революции в Тушино-Гучковском районе. Е. Попова.—На Яхромской фабрике, Дмитровского уезда. А. Караваев.—Февральская и Октябрьская революцил в Можайском уезде. В. Блинов.—Волоколамский уезд в 1917 году. И. Миритеев.—На страже советов (Люберцкий завод). А. Мишин.—Май—август 1917 г. в Серпухове. А. Пирейко.—Из воспоминаний о работе в Московском губернском совете рабочих депутатов. С. Протопопов.—Клин на кануне и после Октября. М. Антипов.—1917 год в Солнечногорском районе, Клинского уезда. И. Петухов.—Две революции (Воспоминания о Коломне). В. Евграфов.—На суконной фабрике Попова близ г. Воскресенска. А. Лукин.—Во время революции в Подольске.

„ПУТЬ К ОКТЯБРЮ“

(Московский Комитет РКП (б), Губернское Бюро Комитета по Истории Октябрьской Революции и Р. К. П).

ВЫП. I—Сборник статей, воспоминаний и документов. Под ред. С. Черномордика. Стр. 292, ц. 75 к.

Содержание: I. „Декабрь“ 1905 г. в Москве, II. Статьи и воспоминания о революционной борьбе в Москве и Московской губернии из разных эпох (по 1917 г. включительно); III. Материалы из архива: Жандармский обзор за 1914—15 г. Программа занятий в кружках в Московской организации РСДРП (б) 1904 г. К провалу Богородско-Ореховской организации 1901 г.

ВЫП. II.—Сборник статей, воспоминаний и документов. Под. ред. С. Полидорова. Стр. 364, ц. 1 р.

Содержание: Московская организация. Морозовская стачка. Воспоминания о Московской Окружной организации. Серпуховская организация. Рабочие уезды. Крестьянские уезды.

ВЫП. III.—Сборник воспоминаний, статей и документов. Под ред. С. Черномордика и С. Полидорова. Стр. 390, ц. 1 р.

Воспоминания о революционном движении Московской городской и Окружной организации.

ВЫП. IV.—Материалы по истории Московской Окружной организации РКП (б). Сборник воспоминаний, статей и документов (1904—1918) Под ред. С. Полидорова. Стр. 206, ц. 90 к.

ВЫП. V.—Сборник статей, воспоминаний и документов. Под ред. М. В. Милютиной. Стр. 247, ц. 2 р. 40 к.

Моск. Окружн. Комитет РСДРП в 1905—1906 г. Работа подпольных типографий. Пропагада среди моск. рабоч. 1900—1906 г. После восстания. Подполье в Лефортовском районе. Работа провокаторов. Моск. Сов. Солдатск. Депутатов с 1 марта по 25 окт. 1917 г. Воспоминания о побеге из Сибири.

Цена 30 коп.
р

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ